

Анатолий Петров

ЛОТЕРЕЯ

Анатолий Николаевич Петров

ЛОТЕРЕЯ

Повесть

Санкт-Петербург
Научно-технологические
2024

УДК 82-32
ББК 84
П30

П30 Петров А. Н. Лотерея: повесть / А. Н. Петров. – СПб.: Наукоемкие технологии, 2024. – 76 с.

ISBN 978-5-907804-78-4

Главный герой нашей истории с ностальгией вспоминает события из своей личной жизни, происходившие в 80-е годы XX века. Насколько большую роль в личной жизни играет случай...

ISBN 978-5-907804-78-4

© Петров А. Н., 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Летний вечер	4
Лена	4
Галя	18
Катя	36
Рита	55
Таня	72
Эпилог	75

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Стояли последние теплые дни августа. Виктор Николаевич сидел на берегу озера и смотрел на гладкую, отражающую заходящее солнце поверхность озера. Последние дни отпуска его почему-то тянуло вот так посидеть одному, в тишине, хотелось спокойно подумать, вспомнить о былом... Дни стояли солнечные, но к вечеру становилось заметно прохладнее. Ветра практически не было, заходящее солнце даже не грело, а ласково пригревало. Он вспоминал...

Сегодня ему исполнилось шестьдесят лет... Праздновать решили послезавтра, в субботу, чтобы гостям было удобно приехать. Сегодня Виктор решил провести этот приятный, теплый и солнечный летний вечер на берегу озера, поразмышлять о жизни, по-вспоминать. А вспомнить было что...

Он вспоминал годы учебы в школе, в институте, стройотряд, каникулы, поездки, службу в армии, годы работы, работу на «халтурах»... Но наиболее ярко всплывали в памяти эпизоды личной жизни. Как же быстро все-таки пролетело время, а ведь он никуда не торопился... И как интересно... Воспоминания будили в нем грусть, но грусть все же в основном приятную...

ЛЕНА

Виктор родился в Ленинграде, в интеллигентной семье. Мама, Ирина Алексеевна, была завучем в школе с углубленным изучением английского языка, куда определили учиться и Витю (а так туда могли и не взять), отец, Николай Петрович, работал инженером на Невском заводе. Семья была ни богатой, ни бедной, на жизнь хватало, как и большинству жителей Советского Союза в начале 80-х, когда и начинались описываемые ниже события. А сам наш герой рос спокойным и послушным, неплохо учился, и, не проявив каких-то особых склонностей, не занимался ни спортом, ни музыкой. В те годы родители не были одержимы обязательно отправлять своих детей в большое количество секций и кружков, и

многие, как и Витя, занимались только учебой и располагали своим временем как хотели, тем более на улице было вполне безопасно, и даже некоторые ученики младших классов ходили в школу сами, без сопровождения взрослых.

Жили Смирновы в небольшой двухкомнатной квартире в старом фонде. Среднего роста и сложения, спокойный и неприметный внешне, в школе Витя никогда не пользовался особым расположением девушек, к тому же был довольно скромным и стеснительным. Поэтому нет ничего удивительного, что к моменту поступления в университет Витя, в отличие от многих сверстников, совсем не имел опыта общения с представительницами прекрасного пола, и личная жизнь у Вити началась несколько позднее, чем у большинства его сверстников. Все началось лишь на втором курсе...

На лекциях и семинарах добросовестный и дисциплинированный Витя, в отличие от большинства ребят, старался сидеть в первых рядах и желательно один, чтобы никто не отвлекал от восприятия материала. Витя не мог, как самые способные студенты, схватывать на лету, и усваивал материал не без труда. В общем, учился он хорошо, но в основном благодаря прилежанию, а не способностям.

Но в один из дней перед лекцией по физике к нему за стол под села Лена Иванова, довольно симпатичная, русоволосая и большеглазая девушка с мягкими чертами лица.

– Витя, не возражаешь, если я составлю тебе компанию? Надеюсь, не занято?

– Садись, пожалуйста, конечно! – Витя был скорее напуган, чем обрадован. В голове его лихорадочно роились мысли – а как с ней общаться, о чем с ней вообще говорить? Он почувствовал, что даже слегка вспотел от неожиданности...

– Витя, подвинься чуть-чуть, а то все время один сидишь на всех занятиях как фон-барон, да еще посередине!

Витя и сам заметил, что для Лены он за столом оставил меньше чем полметра, и подвинулся, смутившись еще больше...

Лена сидела и с еле заметной улыбкой слушала (или якобы слушала, история умалчивает) преподавателя и, к удивлению Вити, совсем не отвлекала его разговорами. А вот Витя от неожиданности все равно уже никак не мог сосредоточиться на материале, с самого начала от внезапного волнения упустив нить логического повествования преподавателя. «Ничего, – подумал он, – дома учебник прочитаю, разберусь... а почему Лена ко мне присела? К чему бы это?»

Он сидел, смотрел на лектора, делая вид, что внимательно слушает, и даже пытался записывать, но мысли плутали очень далеко от темы лекции, но он боялся даже повернуться к соседке. «Как же мне себя с ней вести, когда кончится лекция?» – в волнении думал он...

Витя всегда завидовал своим более смелым и развитым сокурсникам, с легкостью общавшимися, шутившими и заигрывавшими с девушками. При встрече они могли и приобнять, и даже поцеловать сокурсницу. Многие его ровесники, особенно судя по их рассказам, не только дружили с девушками, но и даже (как же все это далеко и нереально казалось Виктору) вступали с ними в близкие отношения, а некоторые даже и не с одной... Витя не был уверен, правду они рассказывают или нет, но все же чувствовал себя бесконечно отставшим в своем развитии, не знающим жизни...

Наконец лекция закончилась. Начался большой перерыв.

– Витя, ты пойдешь в столовую? Составишь мне и там компанию? – улыбаясь, спросила Лена.

– Конечно, составлю... – Витя был немного удивлен неожиданному предложению Лены и был скорее напуган и озадачен, чем рад. Больше всего Витя боялся показаться Лене скучным, неинтересным, недалеким, но ведь, когда об этом думаешь, никакие умные мысли и в голову не идут и в результате именно так и получается...

Однако Вите очень повезло – Лена оказалась очень легким собеседником, сама проявляла инициативу и направляла разговор, была легка и смешлива, так что очень быстро он почувствовал

себя уже в своей тарелке. Витя, кстати, совсем не был таким уж глупым и ограниченным – он был из интеллигентной семьи, пусть немного, но кое-что читал, интересовался на любительском уровне политикой, искусством, спортом, так что в комфортной для себя обстановке вполне мог быть даже интересным собеседником. Но эта неловкость и застенчивость... Просто общался он больше с книгами и родителями, чем с товарищами, а уж с девушками он практически никогда не имел никаких дел, разве что по учебе.

Галя сначала спрашивала Витю о том, как он готов к предстоящему коллоквиуму по физике, потом перевела разговор на обсуждение разных преподавателей, товарищей и подруг по группе, потом поговорили, кто что читает, какие фильмы кто смотрел. К удивлению Вити, общение проходило легко и непринужденно, Лена была мягким и деликатным собеседником и, что особенно понравилось Вите, никогда и ни о ком не говорила плохо.

– Витя, а ты смотрел «Брак по-итальянски»? Я очень люблю итальянский кинематограф! А ты? Говорят, отличный фильм? Хочешь, сходим? – с улыбкой спросила Лена.

– Да? С удовольствием! – ответил Витя. В процессе общения с Леной у него постепенно пропало то волнение и даже какое-то ощущение оцепенения, которое он чувствовал при общении с любыми девушками от своей чрезмерной застенчивости. Но с Леной он почувствовал себя полегче, да и она сама, видимо, заметила Витино смущение и старалась брать инициативу в разговоре свои руки.

Так они стали общаться – сидели на занятиях за одним столом, вместе ходили в столовую, занимались в читальном зале, ходили в кино... Витя впервые в жизни с удивлением для себя отметил, что с некоторыми девушками тоже можно свободно беседовать почти обо всем, почти как с ребятами, хотя и не совсем так же...

Ирина Алексеевна, интеллигент в третьем поколении, коренная ленинградка, восприняла Лену доброжелательно, но и без

особых восторгов – «девушка хорошая, хоть и простая», ничего не имела против их общения, а папа, Николай Сергеевич, увидев Витю с Леной, сразу показал большой палец вверх. Мама посоветовала Вите пригласить Лену в театр, она всегда говорила, что культурный человек должен посещать театр не реже раза в месяц. Что и не преминул сделать послушный Витя, для которого мама была всегда большим авторитетом во всем.

Витя, по рекомендации мамы и к большой радости Лены, достал билеты в БДТ имени Горького, один из лучших театров страны, на популярный тогда спектакль известного советского драматурга Виктора Розова «Гнездо глухаря».

В те годы, конце семидесятых – начале восьмидесятых прошлого века, люди ходили в театр в самой парадной одежде – мужчины в костюмах с галстуком или бабочкой, женщины в нарядных вечерних платьях, не допуская никаких джинсов, футболок, свитеров, никаких эксцентричных вольностей... По крайней мере, автор таких случаев в те годы не припомнит.

Когда Лена сняла куртку и предстала перед Витиным взором в бордовом вечернем платье, темно-коричневых туфлях на высоком каблуке, в бусах и сережках из лунного камня, высокой прической, подведенными глазами и запахом духов «Красная Москва», она приятно поразила Витю... «А Лена-то красавица», – подумал он. Сам Витя был в своем единственном черном костюме, который он надевал только в театр, на свадьбы и на экзамены, с белой рубашкой и бордовым галстуком и в черных лакированных ботинках – так, без фантазии, но прилично и как положено в театре и, конечно, в соответствии с рекомендациями своей интеллигентной мамы, во вкусе которой он никогда не сомневался...

В те далекие теперь уже годы люди, купив билеты в театр, не боялись, что попадут на постановки каких-то «новаторов» от искусства, которые заполнили некоторые современные театры, и не опасались, что будут вынуждены смотреть какой-нибудь «авангард», пытаясь безуспешно понять «современное прочтение» классики, «концептуальный подход», понятные в основном только авторам постановки, не было спектаклей длительностью по пять

шесть часов либо спектаклей без антрактов... Были нормальные постановки, иногда очень хорошие, которые соответствовали отображаемому литературному произведению, сцену украшали соответствующие эпохе и содержанию пьесы декорации, артисты были одеты в костюмы в соответствии с эпохой, было, как правило, два антракта, когда можно было погулять по фойе, сходить в буфет, где продавали советское шампанское, кофе глясе, бутерброды с красной и даже черной икрой, конфеты... Цены, правда, кусались, но в театре люди всегда могли себе это позволить.

Спектакль им очень понравился! До этого Витя всегда провожал Лену до дома, но зайти она ему не предлагала. Проводил он её и в этот раз, но Лена, несмотря на поздний час, неожиданно пригласила его зайти на чай. Лена жила с родителями, в двухкомнатной квартире в «брежневке» в Купчино (так называли чуть более комфортабельные и просторные, чем еще более ранние малогабаритные и тонкостенные «хрущевки», дома). Родители у неё были простые люди – отец работал бригадиром на Кировском заводе, неплохо зарабатывал, а мама трудилась там же нормировщицей. Простая трудовая семья. Витя сразу почувствовал себя своим в семье Лены, её родители вели себя просто и радушно. Получились такие мини-смотрины (Витя познакомился с Лениными родителями, попил чай и ушел, чтобы успеть на транспорт), и прошли они вполне удачно...

Между тем в группе Витю и Лену уже считали парой. В общем, у них была настоящая дружба, но как на самом деле к нему относится Лена, или просто как к другу, или как к чему-то большему, Витя боялся даже предполагать. Ему становилось страшно и неловко при мысли, что рано или поздно он должен будет все же проявить инициативу и сделать отношения ближе... Да и как? И потом – а как Лена отреагирует? Вдруг на этой попытке все и закончится?

Они уже встречались несколько месяцев... В конце декабря Лена неожиданно спросила:

- Витя, а ты знаешь, что завтра у нас праздник?
- Правда? Это радует, но нельзя ли поподробнее?

– Родители купили путевку в Ригу, профком подкинул, сегодня ночью они уезжают, а приедут послезавтра вечером, и мы можем завтра встретиться у меня тет-а-тет! Ты рад? – при этом Лена подмигнула...

– Да, конечно, – ответил Виктор, хотя он был скорее испуган и озадачен...

– По тебе что-то не заметно радости...

– Нет, Лена, что ты, я с удовольствием! Наконец-то побудем вдвоем не на улице и в кино, а дома!

– Тогда до завтра!

«Вот как, – подумал Витя в трамвае по дороге домой, – как же мне себя повести? Хорошо бы просто посидеть, вкусно поесть, пообщаться и пойти домой, но правильно ли это? Не покажется ли это странным Лене? Или придется рискнуть? Но как?» – конечно, у Виктора все природные потребности были такие же, как и у других мужчин, но не было никакого опыта их удовлетворения, и он даже не представлял, как подступиться к этому вопросу... В амурных делах он был полнейший профан... И поэтому в отношениях с Леной он и не стремился форсировать события...

Поэтому перспектива вечера тет-а-тет с Леной скорее пугала его неизвестностью, чем была его мечтой. Нет, Лена ему нравилась, да, пожалуй, он был даже уже влюблен в неё... Но Витя очень боялся, что попытка претендовать на что-то большее чем простое общение может закончиться неудачей, он не знал, как может отреагировать Лена, да и как подступиться? Неужели наступил момент, когда необходим решающий шаг, или все-таки удастся этого избежать?

На следующий день после занятий Лена предложила Вите её домой не провожать, а съездить к себе домой, отдохнуть, переодеться и вечером приехать к Лене.

– Витя, я хочу кое-что прикупить, прибраться, приготовить стол, а ты займись своими делами и приезжай вечером.

– Часам к семи?

– Приезжай, наверное, чуть позже, к восьми (Виктора это, как можно уже догадаться, еще больше озадачило и даже напугало). Я

хочу приготовить нам праздничный ужин. Ведь у нас сегодня праздник – твой первый визит ко мне в гости! Мы будем одни! – Лена подмигнула, еще больше напугав Витю...

– Витя, да, с тебя бутылка!

– Бутылка чего? – спросил Витя, а сам подумал, что дело пахнет керосином...

– Шампанского, конечно, не водки же, – засмеялась Лена. – И шоколадку к нему возьми, фабрики Крупской! Да, и тортик! Я люблю «Подарочный», с орешками, за рубль двадцать!

Ровно в восемь часов (он был дисциплинирован во всем и старался никуда не опаздывать) Витя позвонил в дверь Лениной квартиры...

– Проходи, Витюша, только тапочки надень, не ходи в носках! – Лена была в красивом сером платье, с распущенными волосами, красивыми сережками и подвеской из её любимого лунного камня. – Все уже на столе!

Прежде чем перейти к описанию стола, хотелось бы рассказать читателю про особенности того времени, когда все это происходило. Это были последние годы того периода жизни страны, которое часто называют «застойным»... Между тем именно в эти годы наша страна достигла пика своего могущества и влияния в мире, да и люди, если вынести за скобки «отдельные недостатки», как говорил в своих выступлениях товарищ Брежнев (кстати, на взгляд автора, очень недооцененная историческая фигура), жили лучше, чем когда-либо в предыдущие годы. А еще это было время хороших отношений между людьми, время дружбы, когда люди много общались, часто и запросто ходили друг к другу в гости и уж, конечно, отмечали и дома, и на работе не только дни рождения и Новый год, но и все праздники. И на этих застольях, несмотря на дефицит (в столицах) и отсутствие в продаже (в провинции) многих продуктов, праздничные столы всегда ломились от огромного количества разнообразной еды и напитков... Поэтому тот период в истории нашей страны имеет еще одно название – «застольный» период!

Однако вернемся к нашим героям... К приходу Вити на столе уже стоял салат оливье, селедка под шубой, тарелки с сыром, бужениной, красной рыбой и тарелка с дефицитным тогда финским сервелатом.

Виктор обладал отличным аппетитом и с удовольствием принялся за еду, останавливая сам себя, чтобы не показаться невоспитанным и «бездуховным» обжорой... Ребята выпили по паре бокалов шампанского, и Лена предложила включить музыку, достав пластинку популярной французской певицы Мирей Матье...

Лена сказала:

– Объявляется «белый танец»! Молодой человек, разрешите вас пригласить?

От Лены пахло советскими духами и чем-то очень приятным, Витя ощущал приятные прикосновения одновременно крепкого и мягкого тела Лены и думал, а что же делать дальше? Если не проявить никакой инициативы, будет, наверное, немного странно, Лена может, наверное, даже обидеться, а если начать «приставать» – как отреагирует Лена? А вдруг даст ему пощечину и с позором прогонит? А если все пойдет по плану – а дальше что и как? Во время танца Лена не отстранялась, но и не давала никакого повода, а уж о том, чтобы Витя позволил себе что-то лишнее – не могло быть и речи, да ему и не могло прийти на ум ничего такого...

Потанцевав под песни Мирей Матье и очень популярного тогда греческого певца Демиса Руссоса, они снова сели за стол, выпили еще по бокалу шампанского. Виктору показалось, что Лена чего-то ждет. Разговор смолк, музыка не играла... Казалось, оба почувствовали себя неловко... Пауза стала затягиваться, Лена, обычно такая общительная, почему-то молчала, глядя на Витю своими большими карими глазами... Наверное, пора! Была ни была! И он решился.

Витя подошел к ней, обнял одной рукой за плечи, а другой и расстегнул верхнюю пуговицу платья. Лена не двигалась, и тогда он стал расстегивать вторую...

– Не надо! – вдруг тихо и как-то неуверенно сказала Лена. Витя попытался продолжить, но Лена снова сказала «может, не

надо?», чем совершенно сбила с толку Витю. Сердце его бешено стучало, немного дрожали руки, он в панике соображал, что же делать дальше и как себя повести... Как понимать её слова? Всегда осторожный и нерешительный, Витя решил – лучше не рисковать... И надо как-то выйти из неудобного положения. Но как? Витя отстранился...

– Лена, а давай попьём кофе? Я поставлю чайник?

Лена молчала и смотрела на него... Ещё больше смутившись, так и не получив никакого ответа, озадаченный Витя пошел на кухню, вскипятил чайник, и, не найдя на кухне у Лены кофе, насыпал себе ложку дефицитного индийского чая в коробке со слонем (в те годы самым лучшим был листовый индийский чай именно второго почему-то сорта, на самом деле состоявший из смеси грузинского и индийского чаев) прямо в кружку и залил кипятком...

Лена на кухню так и не пришла... Витя выпил одну, а потом еще три чашки дефицитного душистого чая, каждый раз заваривая свежий, и съел, не без удовольствия, три из положенных в вазу пирожных – эклер, буше и корзиночку, что его немного успокоило. Он вернулся в комнату. Лена молча сидела и смотрела на Витю, не говоря ни слова, что его еще больше озадачило и совсем сбило с толку. Витя заметил, что пуговицы на платье, те, что он расстегивал, так и оставались не застегнутыми, но не придал этому значения от чрезмерного волнения и так и не понял, как поступить... От волнения Витя чувствовал, что совсем растерялся... Может, попробовать снова? Но Витя был очень несмел и боялся риска... Нет, лучше, наверное, все-таки не рисковать, а то кто его знает... Говорит же – «Не надо...» И тут ему пришло в голову: а вдруг еще посадят – за изнасилование? Ведь она же сказала: «Не надо...» Не надо – значит, не надо... «Пойду-ка лучше домой... Береженого бог бережет...»

– Уже поздно, я, наверное, пойду?

– Иди, твоя мама наверняка уже волнуется, – немного, как показалось Вите, язвительно ответила Лена. Её лицо показалось Вите бледным и очень расстроенным. Но он от переживаний уже плохо соображал...

Витя думал: «А правильно ли я делаю? Да кто его знает... Лучше все-таки уйти...» – решил он и направился к двери. Лена оставалась сидеть и даже не встала, чтобы его проводить...

Витя вышел в коридор, накинул куртку...

– До свидания, Лена!

Но Лена не встала его проводить, и в ответ Витя ничего не услышал... И пошел домой... Он был очень расстроен и разочарован и тем, что произошло, и не знал, правильно он поступил в данной ситуации... Он пытался убедить себя, что все сделал правильно, но что-то подсказывало ему, что это не так... А если бы он пошел до конца? Какой риск, нет, только не это! А вдруг... А вдруг Лена все-таки обидится? «Будет ли Лена продолжать со мной дружить после этого? Да и как-то неудобно будет с ней теперь общаться...» Мысли путались, он был крайне расстроен и подавлен... Только потом, когда уже было поздно что-либо предпринимать, он понял, что на самом деле все в этот вечер было в его руках и жизнь его могла пойти совсем по другому пути...

Разумеется, дома он никому ничего не сказал, да и вообще никто, кроме него и Лены (он надеялся, что так), об этом случае не должен знать. Ну и родители ничего не заметили или сделали вид, что не заметили. Они знали, что Витя не любит делиться своими личными делами, и в душу особо не лезли... Разве что мама удивилась, что сын, при своем аппетите, не стал ужинать, а сразу пошел спать. Надо ли говорить, что в эту ночь он уснул только под утро...

На следующий день он в университет не пошел. Витя обычно не прогуливал даже лекций, но в этот день сами ноги не шли на занятия... Он решил съездить на дачу, в Осельки, недалеко от Ленинграда. Витя был из тех людей, кому и в одиночестве не скучно – так, приехал, погулял по лесу, сходил к озеру, полистал старые журналы, книги, послушал радио... Немного полегчало, но на душе у него все равно было как-то очень неприятно... Хотя, как он убеждал себя, он же не сделал ничего плохого! Так-то так, но все же... Но почему-то ему было крайне стыдно и досадно. Он начал понимать, что вчера наконец появилась возможность

начать жить «по-взрослому», возможность стать мужчиной, и вот такой исход...

Придя в университет на другой день, подходя к аудитории, он увидел Лену, оживленно беседующую с Лешей Ивановым. Леша был членом комитета ВЛКСМ университета, был, как и положено комсомольскому работнику, общительным, активным. Он был высок ростом, кудряв, имел крепкое телосложение, был отличным спортсменом и вообще веселым и умным парнем... Витя подошел к Алексею и как можно более непринужденно и приветливо поздоровался с ним за руку, заставил себя улыбнуться и кивнуть Лене и сразу зашел в аудиторию, сел за стол, за которым обычно сидел с Леной.

«Интересно, Лена ко мне подсядет сегодня или нет», – с волнением, но без особых надежд думал Витя.

Начался семинар, и Витя с печалью обнаружил, что сидит за партой один. Никакие знания не лезли в голову, и он еле дождался окончания семинара. В перерыве Витя вышел во двор университета, решив походить, чтобы немного прийти в себя, и на самом деле его это немного успокоило... А потом началась лекция по материаловедению. Лекция была в другой аудитории, и опять он с горечью не обнаружил Лены рядом. Конечно, никакая информация решительно не воспринималась, как ни пытался Витя сосредоточиться на лекции. Со второго часа он ушел. До дома он обычно добирался на трамвае, ехать минут двадцать, но тут он решил пойти пешком. Энергичная ходьба хоть и принесла некоторое облегчение, но на душе все равно было тяжело...

Вите стало жалко самого себя... «Ну, что поделаешь? – думал он. – Сам виноват! А Лена... Лена встретила себе парня получше, она девушка привлекательная, что удивительного? А каков я в сравнении с Алексеем? Ответ, пожалуй, не утешительный... Вернее, совсем не утешительный! Куда уж мне... Что ж, Лена сделала свой выбор, и правильно сделала, а я сам виноват... Дай им бог! Леша – отличный парень, видный! А что с меня взять? Я, что называется, «на любителя», только вот найдутся ли еще эти любители, вернее, любительницы? Не уверен... Увы, ничего не поделаешь...

Осталось надеяться, что все, что ни делается, все к лучшему – кто знает... Может быть, так и останусь холостяком – так, кстати, спокойнее... Но ведь хотя бы мужчиной-то стать надо когда-нибудь? Но как?»

Виктор, как ни странно, довольно быстро отпустил эту ситуацию и при встрече дружески здоровался и общался с Лешей. Дружьями они никогда не были, но относились друг к другу по-товарищески, с уважением, как будто никогда ничего и не было. Лена же при встрече с ним улыбалась, но Витя часто замечал, что она задерживает на нем свой взгляд, однако сам он всегда старался отвернуться или отойти...

Через три месяца после этого события Лена вышла замуж за Алексея и уже через полгода после свадьбы ушла в декрет, родила девочку и перевелась на заочное... Витя потерял с ней всякую связь на многие годы, а у Леши про неё не никогда не спрашивал...

Встретились они только на встрече выпускников, через двадцать лет после окончания ВУЗа. Отмечали юбилей в ресторане «Орион». Когда начались танцы, Лена пригласила Виктора на «белый танец». Но протанцевали они почти полчаса...

– Витя, а ведь я очень обиделась тогда на тебя... Проплакала всю ночь!

– А, ты про это... Помню... Но, честно говоря, я сам не знал, как себя вести... Опыта-то никакого! Решил не рисковать... Но я же вел себя вполне прилично? Или нет?

– Витя, ты вел себя слишком прилично... Я, если честно, надеялась, что ты проявишь настойчивость... Я серьезно относилась к нашей дружбе, ты мне очень нравился, но ты был всегда таким скромным, что я, видя твою стеснительность, решила действовать сама... Я ведь специально пригласила тебя при первой возможности, когда квартира пустая была. Ты не думай ничего плохого, но просто ты мне нравился именно таким, скромным и нескладным, мне казалось, ты именно тот, кто мне нужен, и я решила рискнуть, а то ты еще несколько лет бы меня в кино водил... Я была готова тогда... Ты что, не знал, что в такие моменты некото-

рые женщины инстинктивно говорят «нет», ведь у нас и ответственность больше, и последствия посерьезнее, что на это не всегда надо обращать внимание? Мужчина же завоеватель, он должен быть смелым, настойчивым! Говорим мы, женщины, часто одно, а думаем и ждем от вас другое... Одно оправдание, у тебя опыта не было. Мне, дура, конечно, надо было проявлять инициативу до конца, помочь тебе... Но я же тоже боялась, волновалась, у меня же тоже ничего ни с кем раньше не было... Но я была готова отдать тебе себя... Если бы ты чуть-чуть больше постарался... Да и я... Чуть-чуть не хватило нам... Ну, что об этом говорить, как сложилось, так сложилось... А с Алексеем... Он, кстати, хороший мужик, настоящий... Мы с ним сначала, первые лет пять, очень хорошо жили, но потом он встретил какую-то артистку... Через месяц передумал, обратно просился, но я уже не смогла простить – я же себя тоже не на помойке нашла! Через три года я снова замуж вышла, хорошо живем... А посмотри, какой Лешка толстый стал, – указала она с улыбкой на бывшего мужа, танцевавшего с Ириной Алексеевой из параллельной группы, – а вот ты совсем не изменился, такой же стройный, молодец!

Витя повернул голову. Алексей превратился в очень крупного, лысеющего, но тем не менее все еще красивого мужчину. Он умело вел в танце высокую тоненькую Ирину, их отличницу.

«Какой же я был идиот... Кто бы знал...» – подумал про себя Витя...

– Знаешь, Витя, я была так озадачена и расстроена твоим поведением, что не могла тогда и слова сказать, меня всю трясло от волнения, а когда ты ушел... Я проплакала до утра. Думала, ты на следующий день подойдешь, пообщаемся, я бы все простила, сделала бы вид, что ничего не произошло, но тебя в университете, как назло, на следующий день не было... А когда мы встретились на другой день, я просто общалась с Алексеем по комсомольским делам, а тут ты подошел, с ним так приветливо поздоровался... А мне просто кивнул, как будто мы просто еле знакомы... Честно говоря, я почувствовала себя униженной... Тут я и решила – попробую назло тебе пообщаться с Лешей, может, в тебе хоть ревность

проснётся... Да куда там... Получилось наоборот... Ты сразу сдался... А Алексей, в отличие от тебя, сразу взял быка за рога! Полная тебе противоположность... Ну, дальше тебе не интересно, я в общих чертах тебе ту ситуацию моими глазами рассказала – все по итогу сложилось как сложилось. Но ведь могло быть и иначе...

Витя посмотрел на Лену, на мягкие черты её все еще красивого лица, большие глаза, на чуть прибавившие в объемах приятные женственные формы и подумал, что, пожалуй, она, может быть, и права. Но все же лучше не забивать голову сослагательным наклонением. Ведь, как показал ему его дальнейший, после Лены, жизненный опыт, человек проявляет себя, часто, только со временем... Что ж, подумал Витя, что было, то было, хорошо, что по итогу у Лены все сложилось... И вместе с тем ему стало немного грустно...

ГАЛЯ

Долгое время после истории с Леной никаких существенных событий в личной жизни у Вити не было. В силу своей скромности и стеснительности знакомство и общение с прекрасным полом оставалось для него такими же проблематичными, как и до знакомства с Леной. Правда, иногда ему все же удавалось завести новые знакомства – то друзья познакомят, то родственники... Но все это быстро заканчивалось, так, одна-две встречи, до чего-то серьезного дело не доходило, да и боялся Витя уже заходить слишком далеко. Он влюбчивым не был, и далеко не все девушки могли ему понравиться... Справедливости ради, и он сам нравился далеко не всем.

Тем не менее он все же решил не оставаться всю жизнь холостяком и надежду не терял... Но где и как знакомиться? Витя решил все же поискать себе невесту, но не на танцах и вошедших тогда в моду дискотеках, а там, где, по его мнению, можно был встретить культурную воспитанную девушку – стал ходить в театры и музеи, недостатка в которых в Санкт-Петербурге, разумеется, нет.

В силу застенчивости Вите даже в храмах культуры было очень трудно проявить инициативу и придумать, как познакомиться с понравившейся девушкой. Хотя он и понимал, что за это не расстреливают, и тем не менее он никак не мог осмелиться. Поэтому его походы в театры и музеи завершались исключительно знакомством с искусством... И все же однажды он решился...

20 октября, сидя на втором ярусе Михайловского театра на балете «дон Кихот», Виктор обратил внимание на симпатичную темноволосую кудрявую девушку, сидевшую через несколько кресел от него, и, похоже, она пришла одна, даже без подруги... Он хотел подойти к ней в антракте, но не решился, однако по окончании спектакля заставил себя преодолеть страх. Теперь или никогда, решил Витя. Когда зрители стали уже вставать с кресел, он, волнуясь и краснея, подошел к ней и спросил:

– Девушка, вам понравился балет?

– Очень! – улыбаясь, ответила девушка. – Я считаю, «Дон Кихот» – лучший балетный спектакль! Музыка так и создана для балета! А вам?

– И мне понравилось! Если честно, я мало что понимаю в балете, но какая прекрасная музыка и какие исполнители!

Девушка, смотревшая ему в глаза своими большими карими глазами и тоже слегка покрасневшая, все больше нравилась Вите, и он почувствовал, что пульс у него застучал часто-часто...

– Девушка, извините, а можно вас проводить до дома? – решился он спросить, будучи совсем не уверенным в положительном ответе.

– Не возражаю, – совершенно неожиданно для него ответила девушка – Только я далеко живу, на Шоссе Революции, мы там с девочками квартиру снимаем. Долго добираться отсюда. Кстати, меня зовут Галя.

– Меня Виктор. А можно поинтересоваться, вы чем занимаетесь?

– Я... Выполняю завет Владимира Ильича Ленина!

– А что же такого завещал нам вождь мирового пролетариата? – сделал вид, что не догадался, Виктор.

– «Учиться, учиться и учиться»! Я в педагогическом учусь на четвертом курсе, на филологическом факультете.

– Будете учителем английского?

– Или преподавателем. Кстати, у нас есть еще и немецкий, и французский, и итальянский, и арабский, и турецкий! Но я учу английский и итальянский как дополнительный. Я на четвертом курсе, кстати, поступила только с третьей попытки. Я же из Воркуты, а в Герцена, видимо, с общежитием проблема, вот, наверное, нас и заваливали... Аттестат-то у меня 4,5...

Витя в уме посчитал, что девушке 22-23 года.

– А вы ленинградец?

– Да. Я учусь тоже на четвертом курсе, но в Университете. Могу быть и инженером, и преподавателем!

Так во время пути они и общались на самые общие темы. Виктор вначале боялся, что девушке с ним будет неинтересно, но видя, что она тоже заметно волнуется, почувствовал себя поувереннее. Вообще Витя очень себя недооценивал, по крайней мере, знаний и эрудиции у него хватало, но от застенчивости и боязни ударить в грязь лицом он зачастую был очень зажатым... Но с Галей, почувствовав её симпатию и открытость, он почувствовал себя поувереннее...

В те годы метро было еще не так развито, как сейчас, а на наземном транспорте они добирались около часа. Галя жила в двухкомнатной квартире, снимая её у каких-то геологов, вместе с тремя подружками, однокурсницами.

– Зайдете на чай?

Витя сперва хотел отказаться, но передумал – была не была – и зашел в парадную вслед за Галей. Лифта в пятиэтажных «хрущевках» не было, и они по лестнице поднялись на верхний, пятый этаж. Когда они вошли в квартиру, все Галины подруги уже были дома, вышли поздороваться и, улыбаясь, рассматривали неожиданного гостя... Внешне девушки очень отличались друг от друга – невысокая, с тонкими чертами смуглого лица, очень тонкой талией и с характерно сросшимися над переносицей бровями Мадина из Душанбе, рядом с ней стояла высокая, стройная и при

этом очень круглолицая, с миндалевидными глазами, Бактигюль из Киргизии, чуть поодаль широко улыбалась такая же черноволосая, но невысокая и большеглазая красавица Асмик из Ленинакана, которой, как ни странно, очень шел её длинный нос...

– Как видите, у нас тут полный интернационал! – засмеялась самая бойкая из девушек, армянка Асмик. Витя немного растерялся, он никак не ожидал такого разнообразия в национальной принадлежности Галиных подруг... В те годы в стране было пятнадцать республик, и часто студенты поступали по направлению – создавались преференции при поступлении по республиканскому признаку, но такие студенты были обязаны по окончании учебы ехать работать на малую родину. Галя и Асмик поступили сами, на общих основаниях, а вот Мадина и Бактигюль (коротко Гуля) поступили по квоте...

– Да, здорово! – совершенно искренне ответил Виктор, с удовлетворением отметив, что девочки все симпатичные. Причем каждая по-своему...

– Витя, не стесняйся, проходи в комнату, мы сейчас поставим чай.

За чаем болтала и смеялась в основном Асмик, её поддерживала Галя. Изредка вступала в разговор и Гуля, а вот Мадина просто скромно сидела и смотрела на подруг, а встречаясь взглядом с Витей, опускала взгляд вниз...

Он совсем освоился, поддерживал оживленный разговор и с удовольствием выпил четыре чашки чая с печеньем. Однако за окном начало темнеть...

– Ну, девочки, не буду вас стеснять, да и пора уже домой – мне ехать далеко...

– Витя, посиди еще, ты нам очень понравился! – улыбалась Асмик, а остальные девушки утвердительно закивали головами...

– Нет, спасибо, уж пойду! Гостю же бывают рады дважды – когда он приходит и когда он уходит, – так любила говорить его мама, которая не часто приглашала гостей и не очень приветствовала, когда он приводил домой одноклассников.

– Надо записать! В каждой правде есть доля шутки! Но вот мы в Армении очень любим гостей! – засмеялась жизнерадостная Асмик.

– И у нас тоже любят гостей! – первый раз подала голос Мадина, быстро подняв глаза на Витю и сразу опустив их.

– Девочки, спасибо за чай, очень приятно было познакомиться, но, на самом деле, уже поздно, пойду!

Витя вышел на лестницу и сразу вспомнил, что даже не спросил у Гали телефон и не договорился о встрече... И тут, словно читая его мысли, на лестницу вышла улыбающаяся Галя.

– Витя, ты всем очень-очень понравился!

– И вам?

– Давай на «ты»? Да, представь себе, и мне! Между прочим, у нас нет телефона в квартире, – опередила события Галя...

– Ну, тогда давай договоримся о встрече. Завтра мне не очень удобно (на самом деле время было, но Витя хотел перевернуть события), давай послезавтра, в субботу? Сходим в кино...

– Договорились! Где встречаемся?

– Давай на Площади Восстания, на выходе с эскалатора, в 18 часов?

– Хорошо!

– И, Галя, запиши на всякий случай мой телефон...

И они стали встречаться. Встречались сначала пару раз в неделю, потом чаще, потом почти каждый день. Ходили в кино, в театр. Галя была девушка начитанная и хорошо воспитанная, и Вите было интересно с ней общаться, причем, как заметил Витя, интерес был взаимен.

Галя рассказала о подругах. Асмик была круглой отличницей и старостой группы, являлась душой любой компании, в чем Витя уже имел удовольствие убедиться, и им с Галей, тоже отличившейся, дали комсомольское поручение – взять шефство над студентками из среднеазиатских республик, знания которых не дотягивали до среднего уровня. Поэтому, когда Гале и Асмик надоели «удобства» в общежитии, они решили снимать квартиру, пред-

ложив своим подшефным, Гуле и Мадине, разделить траты на жилье. Тем более у девушек сложились вполне дружеские отношения. Так, начиная с третьего семестра, они стали снимать эту квартиру на Шоссе Революции...

Но тут возникли трудности другого рода...

Когда Витя первый раз привел Галю в гости, было видно, что и мама, и папа рады познакомиться с новой Витиной девушкой, и было заметно, что интеллигентная и хорошо воспитанная Галя поначалу очень понравилась родителям. Но когда Ирина Алексеевна узнала, что Галя приехала учиться из Воркуты, отношение сразу стало вежливо-холодным. Это заметил Витя, а Галя, по крайней мере внешне, никак на это не реагировала.

Так прошел месяц, и в начале ноября, уже подходя к парадной своего дома, Галя спросила:

– Витя, а как мы отметим седьмое ноября? – в те годы самым главным праздником, наряду с Новым Годом, Днём Победы и Первым мая, был День Великой Октябрьской Социалистической Революции, который по новому календарю был как раз седьмого ноября, в этот день всегда была демонстрация трудящихся и праздничный концерт, а потом все торжественно отмечали праздник дома, на работе или в гостях.

– А как ты хочешь? И где? – Виктор не хотел отмечать у себя дома, зная своих родителей.

Кстати, в те годы не сильно принято было отмечать праздники в кафе или ресторанах. Вообще продукты питания стоили дешево, намного дешевле, чем сейчас, зато в ресторанах были огромные наценки, и для рядового инженера, учителя, служащего поход в ресторан был редкостью, к тому же всегда платил мужчина... Контингент в ресторанах составляла в значительной степени богатая богема, фарцовщики, торговые работники, военные старших званий – те, у кого доходы были на порядок выше среднего. Рядовой инженер, рабочий и преподаватель не мог себе этого позволить и попадал в ресторан крайне редко, и то в основном если свадьба, юбилей... Поэтому Вите в голову даже в голову не пришло пригласить Галю в ресторан или даже кафе – там

можно было оставить больше половины стипендии (а стипендия была 40 рублей в месяц – почти половина небольшой зарплаты)... К тому же у Гали было другое предложение.

– Давай у нас! Кстати, девочек дома не будет – к Асмик придут родители, она с ними в ресторан пойдет, там будет отмечать и ночевать у них в гостинице останется, дадут на лапу горничной, если что, они же богатые... Мадина и Гуля тоже в общежитии останутся, будут со своими земляками праздничный плов есть...

Вите хотелось спросить – «А ты не боишься?» – но он решил ответить совсем иначе.

– Да ты делаешь мне предложение, от которого невозможно отказаться! – сам не поверив своей смелости, изрек Виктор.

– Давай сразу после демонстрации, – в те годы многих, тем более студентов, призывали добровольно-принудительно принимать участие в демонстрациях. Правда, справедливости ради, надо отметить, что многие ходили на демонстрации и добровольно и даже не без удовольствия – и весело, и на воздухе, и в коллективе, а по окончании демонстрации еще и сразу отметить можно, сначала символически, на улице, а потом... – Я все уже заранее приготовлю и в холодильник поставлю!

Седьмого ноября, выходя из дома, Витя сказал родителям, что будет или поздно, или уже утром. Мама молча выслушала, ничего не сказала, но выражение озабоченности на её лице не заметить было невозможно... Папа же воспринял это известие с улыбкой – «Давай, сынок!». Ему хотелось добавить «Осторожнее там», но папа посмотрел на маму и осекся...

Придя после демонстрации в съемную квартиру, они достали из холодильника «Советское» шампанское, традиционный салат оливье, крабовый салат, сыр, дефицитную копченую колбасу...

Ребята выпили шампанское, пофантазировали, как отмечают праздник Галины подружки... Витя уже давно не чувствовал стеснения в общении с Галей, но тут они остались вдвоем...

– Витя, ты чем-то озабочен?

– Нет, разве что тем, как же мы все это съедим, – напелся Виктор.

– А-а-а... Ничего, я тебе разрешаю все не доедать, завтра девочки помогут!

Тут Галя встала и вместо того, чтобы пойти в сторону кухни, подошла к Вите, села к нему на колени и медленно обняла его своими красивыми, полными и тёплыми руками...

Утром Витя проснулся от медленного нежного поцелуя... Той ночью Витя наконец-то стал мужчиной, и они начали встречаться уже по-взрослому. Галя к моменту знакомства с Витей уже имела опыт, но Витя подумал, что это, учитывая его собственную неопытность, и к лучшему. И, главное, благодаря этому и «первый блин» у них не вышел комом, начало оказалось очень удачным, как, впрочем, и продолжение! Однако они очень скоро поняли, что чаще всего им бывает трудно найти возможность уединиться так часто, как хотелось бы...

– Витя, я считаю, нам все же надо бы снять другую квартиру, для нас с тобой. Девочки и втроем справятся, у Асмик родители богатые, да и от Мадины с Гулей я жалоб на бедность не слышала. Ну как, ты согласен?

– Да, но...

– Если тебя волнует материальная сторона дела, мы же можем не обязательно квартиру снимать, можем же и комнату в коммуналке снять, это намного дешевле...

Витя с удовлетворением подумал, как же Галя умеет предугадывать его мысли...

– Давай!

Галя подбежала, заключила Витю в объятия и покрыла его лицо многочисленными поцелуями...

Через две недели они сняли комнату на Лиговском проспекте, недалеко от Обводного канала. Кроме них, в коммунальной квартире две комнаты занимала семья инженеров с дочкой, школьницей четвертого класса, а еще одну комнату занимала тихая и интеллигентная пенсионерка лет семидесяти. Это был тот случай, когда говорят «повезло с соседями». За все время жизни в этой квартире у них не было никаких серьезных инцидентов, случающихся в коммунальном быту... Зато, наоборот, были приятные

разговоры с соседями на кухне, а пенсионерка Зинаида Прокофьевна часто угощала Витю вареньем и пирогами, и он с удовольствием заходил к ней на чай... Для оплаты комнаты Витя устроился дворником на хлебозавод (ему, как хорошо успевающему студенту, декан дал разрешение на официальную подработку в свободное от учебы время), работы там было немного, самое большое пара часов, зато по окончании работы охрана позволяла Вите взять с собой пару-тройку горячих и сдобных булочек. Не склонный к полноте, он даже поправился на пару килограммов.

Когда Витя с Галей заходили к родителям, мама встречала их с корректной улыбкой, угощала, но, как заметил Витя, не стремилась к какому-то сближению с Галей, общались строго на «Вы». Папа же всегда был рад их приходу, папе Галя нравилась, к тому же их визит давал ему повод лишний наполнить бокалы...

Совместная, практически семейная жизнь протекала на удивление спокойно, практически без характерных для молодых пар ссор и выяснений отношений, а главное, Витя был очень доволен интимной стороной жизни... Если у Гали и болела когда голова, то только не перед близостью, и на усталость она тоже никогда не сетовала... Галя была девушкой спокойной, рассудительной, всегда внимательно выслушивала Витю, никогда не спорила, но в основном все делала все равно по-своему, пользуясь Витиным добродушием и рассеянностью. Сначала, заметив это, он спрашивал Галю: «Как же так, мы же договаривались?» – но потом перестал обращать внимание. Он был человеком добродушным, уступчивым, не конфликтным и не был внимателен к мелочам...

Иногда он думал, раз все так хорошо складывается, а не предложить ли Гале узаконить их отношения? Но, вместе с тем, он уже давно заметил, как холодно относится к Гале мама.

Как-то раз Витя забежал к родителям один, и мама сказала:

– Витя, ты взрослый человек, но все же послушай моего совета – если устраивает пока, живите вместе, я не могу тебе запретить, но только не торопитесь жениться!

– Мы и не торопимся, а что?

– А то, что ты человек неопытный. Витя, брак – дело серьезное, и надо сто раз подумать, прежде чем идти в ЗАГС! У моей коллеги сын вот так женился на иногородней. Сначала вместе жили, полгода, наверное, не расписываясь. И такая эта Оля была всегда тихая, вежливая, услужливая... А потом они поженились – и как подменили! Стала дерзить, скандалить, голос повышать... Развелись, и вместо того, чтобы к себе в Вологду уехать (а там она в трехкомнатной квартире с родителями жила), стала своей пропиской трясти, суд был... Теперь у неё комната, а у Крапивиных была трехкомнатная квартира, а стала двухкомнатная... Будь очень осторожен, а то если еще и дети пойдут... Не торопись, спешка нужна только при ловле блох!

В те годы по окончании ВУЗа молодые специалисты обязаны были устроиться на работу по распределению, которое делалось перед получением диплома, и отработать там минимум три года... Конечно, ленинградцы и москвичи в основном распределялись по месту жительства, а вот большинство иногородних должны были ехать туда, куда Родина пошлет, в соответствии с потребностью в специалистах, либо, если студент поступал по целевому набору, на свою малую родину или на то предприятие, с которым заключен договор... Поэтому можно было улететь из Москвы или Ленинграда в Анадырь или Южно-Сахалинск... Система распределения позволяла затыкать дыры в тех местах, где не хватало специалистов данного профиля, и многих нынешних проблем с недостатком специалистов на местах не было или было гораздо меньше... Конечно, много зависело не только от того, где выпускник прописан, но и как человек учился, каким был активным в общественной жизни, а также от того, кто его родители, какие у них связи и т. д., ну и как повезет, конечно. Тех, кто лучше учился, могли оставить в аспирантуре, либо, при наличии должностей, оставить преподавать в ВУЗе. Жизнь в столицах была заметно комфортнее, чем в провинции, да и перспектив больше, и многие иногородние студенты пытались разными способами остаться по окончании учебы в Москве, Ленинграде или столицах союзных республик. И одним из основных способов был брак с местным.

Конечно, большинство женились или выходили замуж по любви, но у многих были и корыстные мотивы... Поэтому родители студентов-ленинградцев или москвичей очень беспокоились, если их дочь или сын встречался с иногородними... Справедливости ради надо сказать, что зачастую эти опасения были далеко не беспочвенными, и не у одного столичного жителя после развода ухудшались жилищные условия...

Витя и Галя, правда, и сами не собирались первый год становиться родителями... Но мамыны слова засели у Вити в голове, мама была для него большим авторитетом, впрочем, вполне заслуженно. Поэтому, размышляя о том, не пора ли официально зарегистрировать брак с Галей, он вспоминал поговорку: «Не буди лихо, пока тихо», и не форсировал события. Откладывал на потом. Галя тоже этот вопрос никогда не поднимала... А время шло...

Летом, по окончании сессии, они съездили на полторы недели к Галиным родителям в Воркуту. Для Виктора, выезжавшего из Ленинграда только в Москву, Киев или на Черное море, было шоком увидеть, как люди живут за полярным кругом. Город выглядел очень, мягко выражаясь, неказисто, в магазинах хлеб и маргарин был, а масла, колбасы и мяса он не видел на прилавке ни разу... Все эти продукты местные жители либо покупали на рынке в тридорога, либо везли из отпуска и из командировок из Москвы и Ленинграда. При этом холодильник у Галиных родителей был полон – шахтеры в те годы получали большую зарплату, да еще «северные», и отовариться на в разы более дорогом рынке особых проблем не стоило... Мама у Гали, Ольга Анатольевна, работала учителем географии, а отец, Игорь Петрович, как и большинство мужчин, был шахтером. В общем, жили в достатке и даже имели машину – «Москвич 412», да еще и собственный гараж...

Однажды за ужином Ольга Анатольевна неожиданно и прямо сказала:

– Ребята, пора бы вам уже официально оформить отношения, а то уже неприлично. Вы думаете об этом?

– Как только, так сразу! – с улыбкой ответила Галя, мельком взглянув на Виктора...

– Дошутитесь! – изрек немногословный Игорь Петрович.

Витя хотел сказать «Обязательно», но почему-то промолчал и заметил на себе внимательный взгляд Ольги Анатольевны. Галя сразу перевела разговор на погоду этим летом и стала выспрашивать, как родители отдохнули в Пицунде. В те годы жители «северов» всегда могли себе позволить летний отдых где угодно в пределах страны и в большинстве случаев выбирали отдых у моря, причем могли ехать не дикарями, как большинство граждан СССР, а в самые фешенебельные, по советским меркам, санатории и пансионаты. Родители Гали были и в Крыму, и в Сочи, и в Анапе, и в Батуми, и в Гаграх, но больше всего им понравилось в Пицунде, и последние пять лет они брали путевки именно в пансионат этого прекрасного уголка солнечной Абхазии.

Больше тема официального брака не обсуждалась, но Витя почувствовал, что Ольга Анатольевна стала к нему относиться прохладнее, хоть и все так же вежливо. Игорь Петрович был немногословен: обычно, придя с работы, выпивал стопку дорогого в те годы армянского коньяка, обедал, курил на балконе, читал газету и садился к телевизору. В отличие от многих коллег, он не злоупотреблял спиртным, кроме пятницы, и то, если выпивал побольше, никогда не шумел и не скандалил, а старался сразу тихо лечь спать. Ольга Анатольевна никогда не делала ему замечаний и, видимо, по опыту, не докучала ему разговорами. В общем, у них была благополучная семья, где супруги дополняли друг друга как две противоположности. Ольга Анатольевна всегда поддерживала в доме порядок, читала не только газеты, как муж, но и книги, проверяла тетради... Как-то Витя спросил у Гали, а как и о чем общаются её родители, на что Галя ответила, что мама очень любит папу – как настоящего мужчину и добытчика, а поболтать она может и с подругами – в Воркуте, помимо шахтеров, было и достаточно интеллигенции, в том числе и потомков репрессированных известного периода истории страны... В общем, десяти дней в Воркуте Гале и Вите вполне хватило, и они с большим удоволь-

ствием вернулись в Ленинград, который по возвращении показался им прямо-таки южным городом после сурового воркутинского лета...

И жизнь потекла дальше. Витя с удовольствием после работы шел домой, где в большинстве случаев его уже ждал вкусный обед – Галя постепенно научилась не только жарить котлеты и яичницу, а упражнялась по книге «О здоровой и полезной пище», и, как с удовольствием отмечал Витя, не без успеха. Он не забывал похвалить Галю, иногда покупал ей цветы, раз в неделю они обязательно выбирались в кино, реже в театр, в один из выходных обязательно навещали Витиных родителей... Ни Галя, ни Витя никогда не изводили друг друга ревностью, да и поводов друг другу (по крайней мере так казалось Вите) не давали, деньги расходовали экономно, и на жизнь им хватало. Иногда заезжали и на Шоссе Революции... Девочки теперь там жили втроем, но все так же дружно, а когда приходили Галя и Витя, то их оживленное общение не прерывалось ни на минуту. Витя очень любил туда приезжать.

Когда Галя и Витя 20 октября в очередной раз зашли в гости к девочкам, на столе стояла не обычная бутылка сухого, а шампанское, сыр, паштет, буженина и, конечно, салат оливье...

– Ого, – удивился Витя, – а по какому поводу праздник?

– Витя, а ты знаешь, какое сегодня число? – спросила Галя.

– С утра было 20 октября, а что?

– Вы, мужчины, никогда ничего не запоминаете... Сегодня же годовщина нашего знакомства! Помнишь балет «Дон Кихот»?

Вечер прошел очень весело – и выпили, и поели, и поговорили, и даже потанцевали... Витя давно уже чувствовал себя в их девичьей компании своим и с удовольствием ощущал себя как в «цветнике»...

– Хорошо посидели, – сказал Витя по приходу домой.

– Еще бы! Девочки постарались! Как тебе Мадинкин плов? Они с Гулей даже спорили, как его делать, – у киргизов и у таджи-

ков рецепты отличаются, вот у них и получился таджико-киргизский, но очень вкусный, я такого никогда не ела! А тебе понравился?

– Да уж...

Прошло еще два месяца...

22 декабря у Вити было четыре пары, и около 18 часов он наконец подошел к дому. У него было отличное настроение, он сдал сложный коллоквиум по материаловедению на «отлично» и потом отметил это с друзьями, сходя в кафе-мороженое, где они помимо мороженого выпили по паре бокалов шампанского.

Витя позвонил в дверь. Он всегда носил с собой ключи, но очень любил, когда ему открывает Галя и сразу же его целует... Последние дни Галя почти всегда приходила раньше него, но сейчас дверь на звонок не открылась. Витя достал из кармана ключ и открыл...

Вначале ему показалось, что что-то в квартире изменилось, такое впечатление, что стало больше места, но он никогда не отличался вниманием к мелочам. Он снял ботинки, надел тапочки и пошел, как обычно, сразу на общую кухню, из которой приятно пахло мясом... Там он с удовлетворением увидел на их столике кастрюлю борща и сковородку с гуляшом, который особенно хорошо удавался Гале... А где же сама Галя? Наверное, в магазин пошла, может, тортик купит... Зайдя в их комнату, он вдруг увидел на столе большую записку на листе А4, исписанную мелким и аккуратным Галиным почерком...

«Витя, недавно ты забыл про годовщину нашего знакомства... Даже девочки не забыли, между прочим! Но это как раз не так страшно, вы, мужчины, даже, говорят, дни рождения детей забываете! Но здесь-то дело в другом. Вчера, 21 декабря, исполнился ровно год, как мы сняли эту комнату и стали жить с тобой вместе, жить как мужчина с женщиной, как муж с женой... Но, к сожалению, именно «как»! Прошел целый ГОД, а я так и не дождалась предложения руки и сердца! Знаешь, что может испытывать женщина, когда с ней живут год и даже не намекают на официальную регистрацию отношений? Какие мысли приходят в голову? А ведь

я старалась, чтобы тебе было со мной хорошо, старалась приспособиться, ни в чем не отказывать, подстраивалась, в чем-то (вернее, во многом!) ломала себя... Тебе ни разу не было отказа, ведь так? Ты разве можешь вспомнить какую-то серьезную ссору за год? А думаешь, ты такой уж идеальный и не давал поводов? Я все терпела! Нет, Витя, вообще, в целом, ты очень хороший парень и я не жалею о нашем знакомстве... Главное, что мне в тебе нравится, – доброта. Но... Помнишь, мы ездили в Воркуту? У меня, когда ты пошел в магазин, был очень серьезный разговор с родителями, они меня ругали и недоумевали, как можно столько времени жить вместе и без регистрации брака, а значит, незаконно? А для женщины это означает одно – себя не уважать! И я пообещала родителям, что, если за год нашей совместной с тобой жизни ты мне так и не сделаешь предложения, я тебя брошу и уйду окончательно! Но я, если честно, была абсолютно уверена, что ты мне наконец-то сделаешь предложение, тем более после того, как ты услышал мамины слова... Однако год прошел, а я даже намек на предложение руки и сердца не услышала! А ведь если отбросить романтику, то я же на последнем курсе учусь, приближается распределение, и если я не выйду замуж за ленинградца, то придется мне ехать домой в Воркуту по распределению, а то еще куда подальше, а у нас, между прочим, кадров не хватает! И еще другой момент – я прекрасно знаю, как к нашим отношениям относится твоя мама... Мы, женщины, такие вещи очень хорошо чувствуем. Бойтесь за жилплощадь... В общем, Витя, я ждала-ждала, ублажала тебя, как могла, приспособливалась, да так и не дождалась! А родители воспитали меня так, что надо, во-первых, уважать себя, а во-вторых, надо всегда выполнять свои обещания и держать слово! Сейчас, когда ты читаешь моё письмо, я уже еду в поезде в Воркуту, решила на праздник посетить родителей на пару дней. Так что, Витя, не поминай лихом, всего тебе доброго и, пожалуйста, не ищи со мной встреч! Это ни к чему не приведет, мое решение окончательное! Всего доброго! Обнимаю и целую, Галя»

Видно было, что это было не спонтанное письмо, написанное в порыве эмоций, а чистовик... Это был удар! Причем абсолютно

неожиданный, ведь ничто в поведении Гали в последние дни его не предвещало! Разве что Галя последние дни была немного грустной, но Витя, подобно своим родителям, старался никогда не лезть в душу...

Виктор почувствовал, что у него дрожат руки и ноги, чего с ним никогда не было. Он забыл про борщ и гуляш – вся тяжесть события навалилась и словно придавила его... Витя достал из шкафа коньяк (вообще он пил мало и больше употреблял сухое или шампанское), налил себе полстакана и сразу выпил... Дрожь в руках прошла, но ощущение безысходности осталось. Витя был в отчаянии! Он не знал, куда себя деть, он чувствовал, как будто сам во всем мешает себе... Он не мог сидеть дома, оделся и вышел на улицу и ходил быстрым шагом часа четыре. Придя домой, сняв ботинки, он прилег на диван и уснул, проснувшись уже под утро... Ему снилось, что, наоборот, уход – Гали только сон... Когда он проснулся, у него было такое чувство, что не хочется жить...

«Да, – думал он, – я сам виноват», – но ему в последнее время и в самом деле и в голову не приходило узаконить отношения, жили и жили... А ведь мог бы догадаться... Эх, жаль... Как жаль! А ведь как мне было хорошо с Галей! Сможет ли он когда-нибудь еще встретить такую девушку? Неужели это конец, крушение всех надежд? Но нельзя сдаваться без боя!

Через три дня, когда Галя должна была уже вернуться в Ленинград, он поехал не в Университет, в институт имени Герцена, в надежде увидеться с Галей... Там он её искал по всем этажам, но нигде по расписанию не нашел, а придя домой, обнаружил, что даже забыл закрыть дверь на ключ, хорошо хоть прикрыл... Витя был в полном смятении... На следующий день он снова отправился в педагогический институт и после третьей пары наконец увидел Галю в коридоре института, оживленно беседующую с каким-то симпатичным молодым человеком в строгом костюме, больше похожем на преподавателя, чем на студента. Они шли и весело болтали о чем-то, смеялись и жестикулировали...

«Быстро же она...», – с горечью подумал Виктор...

Больше он никогда не встречался с Галей, но очень долго вспоминал её тихий голос, рассудительную речь, нежность её рук, ласку... Все-таки она была его первой женщиной и он любил её по-настоящему... Он честно признавался себе, что потерял своё счастье и что виноват в этом только он сам.

А вот Витина мама очень обрадовалась, когда он вернулся домой, даже праздник устроила! Да и отец воспринял все это спокойно и уж точно не расстроился.

– Витя, радуйся! Ты даже не представляешь, как ты рисковал! Уж эти приезжие – женила бы тебя на себе, прописалась, а потом при разводе еще и жилплощадь бы у нас оттяпала, помнишь, я тебе про Крапивиных рассказывала, а таких примеров немало! Такие вещи всегда происходили... Знаем мы этих иногородних!

– Мама, Галя же не такая, она очень хорошая, порядочная девушка, зачем наговариваешь?

– А откуда ты знаешь? Все они такие! Люди не сразу проявляются, поверь моему опыту! Вот женились бы, и натянула бы она тебе хомут на шею, а что не так – и развод... И раздел квартиры! Только получают прописку – сразу меняют своё поведение...

– Галя бы так никогда не поступила!

– Сынок, ты не представляешь, как тебе повезло! Они пока добиваются своего – хорошие, а добьются... А если бы еще и дети пошли... Да что говорить! У меня аж седые волосы появились, когда вы стали вместе жить! А что я могла сделать, запретами я бы и тебя потеряла... Я тебе ничего не говорила, а знаешь, сколько здоровья мне стоили ваши отношения, как я боялась за тебя...

Витя долго и с грустью вспоминал Галю, на других девушек долго даже не хотел смотреть, но постепенно боль стала затухать. К тому же на его сознание все больше начинали действовать мамины слова, а он с возрастом все больше и больше проникался её жизненной мудростью... Витя и на самом деле стал подозревать, а вдруг бы Галя, надев обручальное кольцо, изменилась, а кто знает? Но в душе он все равно считал, что случилось неоправданное, ощущал тяжесть утраты, грустил и жалел себя...

Спустя десять лет, сидя в вагоне метро, Витя заметил напротив себя круглолицую черноволосую девушку с раскосыми глазами, которая пристально смотрела на него и улыбалась. Что-то знакомое... Витя встал и подошел...

– Не узнали?

– Да вот вижу, что очень знакомое лицо, но...

– Да Гуля же я!

Да, поправилась Бактигюль, подумал Витя, но так узнать можно...

– Гуля! Очень рад тебя видеть, далеко едешь?

– До Девяткино, я там теперь живу.

– Здорово, а я до Академической! Ну, как дела?

– Вышла замуж за ленинградца, на четвертом курсе, сейчас уже двое детей. Мальчик и девочка! Муж, как я и хотела, тоже мусульманин, татарин, но коренной ленинградец! Успела выйти замуж за два месяца до диплома, представляешь, считай, в последний вагон запрыгнула! А то уехала бы работать куда-нибудь в Актау или в Аркалык, в лучшем случае!

– А как девочки?

– Наша староста, Асмик, замужем за богатым армянином... Она, между прочим, защитилась, стала кандидатом наук, в ВУЗе работает... Трое детей, все мальчики. Она очень мечтает еще девочку завести... Такая же веселая и красивая, и в браке счастлива! Выглядит все так же прекрасно! Ну, они богатые...

– А как там наша скромница, Мадина?

– А Мадина поехала по распределению домой, в Таджикистан, в Куляб. Ей родители уже к её приезду мужа нашли, сразу и выдали замуж. У них там все по старинке, родители жениха и невесты договариваются... Зато она нас всех переплюнула – у неё пятеро, три мальчика и две девочки! Сидит дома, уж какая там работа... Но, пишет, жизнью довольна. Ну, у них свои обычаи... У нас в Киргизии примерно то же бывает, но в глубинке в основном...

– А Галя?

– А твоя Галя тоже вышла замуж, за полтора месяца до распределения успела, за ленинградца, аспиранта кафедры педагогики в нашем же институте Герцена, семья культурная, обеспеченная... Да еще и забеременеть успела, ускорила процесс! Галя очень боялась, что её отправят по распределению в Воркуту, вот она и сориентировалась, и очень удачно. Её муж уже доцент, докторскую пишет! Она нам все жаловалась на тебя, когда вы вместе жили, кстати, мол, «не мычит, не телится, время тянет, на ЗАГС даже не намекает»... Витя, уж за год-то можно было найти время зарегистрировать брак! Галя – такая девчонка! Свадьба у неё в «Метрополе», между прочим, была, мы с девочками присутствовали! Галя мужем довольна, хорошо живут... Все у неё теперь есть – квартира, дача, машина, две дочки-близняшки...

Витя сглотнул... И тут в его голове пронеслась мысль, которая с возрастом все чаще посещает людей – «А ведь маму не всегда надо слушать, хоть она и часто бывает права... Плохо только, что часто это доходит, когда уже поздно...» Тут же ему пришла в голову еще одна мысль – «Все надо делать вовремя...»

«Но все равно, хорошо, – подумал Витя, – что у Гали все сложилось... Эх... Что бы ни говорила мама, Галя все равно очень хорошая, я так её любил, дай ей бог...»

– А вот и Академическая! Гуля, очень рад тебя видеть, девочек увидишь – привет передай!

– Обязательно! Здорово, что мы увиделись!

КАТЯ

Неожиданный разрыв с Галей был для Виктора большим ударом. Она была не только его первой женщиной, но и первой настоящей большой любовью. И такой неожиданный крах всех надежд!

Витя сильно и долго переживал, но со временем душевная боль стала постепенно утихать. Виктор утешал себя тем, что неизвестно, что бы было дальше, да и мамы прогнозы помогли ему принять ситуацию, и в конечном итоге он почти что примирился с мыслью, которая выражается избитой фразой, что все,

что ни делается, – к лучшему... Витя многократно убеждался в маминой житейской мудрости, и уважение к её мнению очень помогло Вите прийти к согласию с собой. А вдруг на самом деле сбылись бы мамины прогнозы?

Время – лучший лекарь... Он постепенно смирился, успокоился, к тому же ему надо было работать над дипломной работой. Особыми способностями Витя не блистал, и работа над дипломом шла с переменным успехом и отнимала у него много времени и сил, ничего не получалось с первого раза. Поэтому личная жизнь отошла на второй план, вернее, она до самого окончания университета полностью отсутствовала. Диплом Витя защитил на «хорошо», распределился в Политехнический институт на кафедру материаловедения, устроился, начал работать, а осенью его призвали в армию на полтора года...

В те годы ограниченный контингент Советской Армии оказывал помощь Демократической Республике Афганистан, и Ирина Алексеевна очень переживала, что и Витю туда направят, но его отправили под Свердловск, в караульную роту. Охраняли секретные военные объекты, служба была очень монотонная и однообразная. Две недели караулов, неделя – внутренний наряд, неделя – военные занятия, строевая, хозяйственные работы...

Там ему, воспитанному в интеллигентной семье, в ласке и любви, совсем не понравилось. Однако, отслужив, он никогда потом об этом не жалел. Во-первых, в те времена служба в армии была делом чести и те, кто не служил, часто воспринимались как «недомужчины», а во-вторых, он там впервые столкнулся с настоящими трудностями, причем не только и не столько физическими (на физическую подготовленность он как раз никогда не жаловался), сколько моральными – и в первую очередь связанными с «дедовщиной». Там он понял, что люди бывают не только хорошие и добрые, увидел, как меняются люди в зависимости от обстоятельств, он понял, что такое «по-настоящему плохо», да и характер укрепил. И потом, спустя многие годы, если случались трудности и неприятности в жизни, он вспоминал, как несладко приходилось в армии, особенно в качестве молодого бойца, и жизнь сразу

начинала казаться более-менее сносной... Кстати, дедовщины было гораздо меньше в тех частях, где была реальная служба – пограничных, например, ракетных... Но Витя-то попал в караульную роту... Во время службы в армии его поразили перемены в поведении однопризывников, которые произошли буквально в одночасье, как только они перешли из разряда «солобонов» (так назывались солдаты, прослужившие от полугода до года службы) в разряд «черпаков» (так в армии называют тех, кто отслужил год, и они были самые злобными, «дедушки» уже были поспокойнее, им было уже лень строить молодых и солобонов, они уже готовили форму и дембельские альбомы). Ребята одного с ним призыва, перейдя в разряд «черпаков» и сразу выгладив на спине соответствующую горизонтальную планку, стали словно выше ростом, и даже их голоса стали казаться более басовитыми... И когда Витя как-то спросил товарища, а зачем он так издевается над молодыми, ведь недавно его самого строили, – ответ был простым: «Теперь наше время настало!» Виктор сам никогда не унижал и не издевался над молодыми и в этом отношении был среди «черпаков» скорее белой вороной, они ему даже замечания делали... А потом эти же ребята возвращались в обычную гражданскую жизнь и снова прятались под маской приличий... Служба в армии, безусловно, морально закалила Виктора. Справедливости ради, дисциплиной и умением терпеть Витя и раньше не был обделен, но преодоление трудностей солдатской жизни еще больше укрепило его характер.

Демобилизовался Виктор в мае и сразу восстановился на работе. Состав кафедры за время его службы совсем не изменился. Кафедра была небольшой – всего восемь человек – заведующий кафедрой, интеллигентный мужчина средних лет Олег Иванович, доцент, пенсионерка по возрасту Клавдия Васильевна, заражавшая всех, несмотря на возраст, оптимизмом и хорошим настроением, пятидесятитрехлетний трижды разведенный холостяк доцент Сергей Сергеевич, сорокалетний не по возрасту тучный и серьезный кандидат наук Игорь Евгеньевич, сорокапятилетняя красивая блондинка Людмила Борисовна, молодые преподаватели –

сам Виктор и тридцатилетняя яркая и красивая брюнетка Маргарита Михайловна, уже успевшая написать и защитить диссертацию и стать кандидатом технических наук, а еще молоденькая лаборантка Светлана Георгиевна, учившаяся на заочном отделении.

Коллектив Вите нравился. Люди были интеллигентные, к Вите все относились доброжелательно и называли на «Вы», что ему, молодому человеку, даже льстило. На работе Витя ни с кем особо не сближался и предпочитал сохранять со всеми ровные уважительные отношения на дистанции. Коллеги платили ему тем же... О преподавательской работе он особо никогда не мечтал и не считал своим призванием, хотел быть инженером, но, устроившись по распределению в ВУЗ, увидел в этой работе свои плюсы, которые для него даже перевешивали весьма скромную (125 рублей) зарплату. Спокойная работа с молодежью, практически ровесниками, интеллигентный и доброжелательный коллектив, два месяца отпуска летом, да и в январе и июне работы было немного... Ему очень нравилась веселая симпатичная лаборантка Светлана Георгиевна, но она была уже занята, за ней ухаживал молодой преподаватель кафедры физической культуры, к которому она ходила на тренировки по бегу.

Но самой заметной фигурой была всеобщая любимица Маргарита Михайловна. Она успела не только защититься, но и сходить замуж и развестись. Среднего роста, прекрасно сложенная, с правильными чертами лица, густыми черными слегка волнистыми волосами, она была настолько яркой внешне, а вдобавок казалась Вите настолько умной, что он её как потенциальный объект внимания даже не рассматривал, ввиду, как ему казалось, полного отсутствия шансов на какой-либо успех. В общем, можно сказать, что устройство на работу никак не повлияло на Витину личную жизнь, точнее, на её практически полное отсутствие...

Наступила поздняя осень. С субботы на воскресенье, утром, выпал первый снег, причем очень обильный, а к вечеру стал таять, а под утро снова подморозило... Дворники, видимо, еще не успели среагировать, и во дворах и на тротуарах местами было очень скользко. Витя вышел вечером в булочную и вдруг услышал за

спиной женский крик. Он обернулся и увидел растянувшуюся на тротуаре девушку. Витя подал ей руку, помог подняться.

– Спасибо, молодой человек

– Пожалуйста! Сильно ушиблись?

– Терпимо... Да я немного ногу, кажется, подвернула, больно ступить...

– Давайте я помогу вам дойти до дома?

– Нет, спасибо, я дойду, – улыбнулась девушка. Витя отметил, что у неё красивые утонченные черты лица, голубые глаза, а из-под вязаной шапочки выбивались светлые локоны волос. «Блондинка с голубыми глазами, да еще какая симпатичная...» – подумал Витя.

– Нет, все-таки на правах первого, пришедшего на помощь, я вас провожу!

Девушка, как показалось Вите, оценивающе посмотрела на него и с улыбкой ответила:

– Что ж, раз на правах первого пришедшего на помощь, то так и быть, проводите. А то ступать больно! Меня зовут Катя, а вас?

– Виктор...

Присмотревшись, Витя отметил, что девушка стройная и миниатюрная, и подумал, что неплохо было бы с познакомиться ней встречаться... Вот только интересно, захочет ли она?

– Ну, вот мы и пришли...

– Давайте уж я помогу вам подняться по лестнице?

– А я на первом этаже, спасибо. Домой не приглашаю – там родители и бабушка, будут потом расспрашивать, что да как...

– А можно ваш телефон? – собравшись с духом, спросил Витя.

– Запомните? Есть на чем записать?

Так они стали встречаться... Кате было 20 лет, она училась на последнем курсе медицинского училища. Вите нравилось, с каким интересом и вниманием она слушает его рассказы о работе, армии, о многом другом. Он был достаточно начитан и от недостатка эрудиции не страдал, что давало ему преимущество в общении с молодой и неопытной Катей.

Все проходило так, как бывало у многих молодых людей, – встречи несколько раз в неделю, прогулки в парке и по улицам, походы в кино, намного реже – в театр или музей. Но Вите, несмотря на безупречную Катину внешность, нравилось в Кате не все... Витя в силу воспитания был не избалован, и материальная сторона жизни никогда не была для него главной, а вот у Кати интересы были скорее материальными. Это настораживало... Зато, думал Витя, она молоденькая, поддается воспитанию...

– Смотри, какая тачка, – говорила иногда Катя, показывая на припаркованные начавшие появляться тогда на улицах городов первые иномарки – «Вольво» или «Мерседес». – Вот бы такую иметь...

Витя предпочитал отмалчиваться. Он тогда никогда даже не думал о машине – в те времена она была очень малодоступна, да и стоил тот же «Мерседес» почти как квартира...

Зато Катя была красива. У неё были правильные, утонченно-холодные черты лица и очень стройная, почти худенькая фигура. Но – все на месте! Внешностью природа не обделила... Витя замечал, как оборачиваются на неё проходившие мимо мужчины, а так как болезненная ревность ему вообще не была свойственна, то ему это было даже приятно... Пусть завидуют!

Витины родители одобряли его новое увлечение. Ленинградка, молоденькая, воспитанная, симпатичная, семья образованная и обеспеченная, вот это точно не мезальянс... В том, что Катя понравилась Николаю Сергеевичу, ничего удивительного не было, а вот одобрение требовательной мамы имело для Вити решающее значение и снимало все сомнения.

Катины родители были по специальности инженерами. Отец Кати, невысокий худощавый лысеющий мужчина средних лет, совмещал инженерную работу, как и многие представители технической интеллигенции той поры, с «халтурами» (так в те годы называлась дополнительная подработка, ведь недаром в одной из любимых комедий советского времени «Бриллиантовая рука» прозвучала угроза «Чтоб ты жил на одну зарплату»...), и поэтому дома появлялся обычно совсем поздно вечером, почти всегда

«халтурил», в том числе и на выходных и даже в отпуске... И зарабатывал Сергей Васильевич на «халтурах» намного больше, чем на основной работе, такой вот парадокс.

В Витиной же семье это принято не было – Николай Сергеевич редко когда подрабатывал, по вечерам был дома, но особых материальных проблем при этом Витя не ощущал, на жизнь всегда хватало. Витина мама никогда не предъявляла претензий мужу из-за очень средних заработков, это никогда не обсуждалось в семье и не было в приоритете, родители жили дружно, хотя решающий голос, как уже может догадаться внимательный читатель, был всегда за мамой... Витя вообще не помнил никаких ссор и споров из-за денег. Так, не транжирили, и вполне хватало на жизнь...

В те времена люди жили в основном неплохо. Испытывали настоящую нужду, бедствовали очень немногие, в основном это касалось неполных семей, либо тех семей, где муж или другой член семьи крепко выпивал, ну и, справедливости ради, многим отравлял жизнь долго решаемый «квартирный вопрос». Жизнь была для среднего человека во многом даже проще. Образование, медицина – бесплатно, проезд, квартплата – копейки, основные виды продовольствия – тоже... В отличие от одежды, техники, автомобилей и предметов роскоши – те, наоборот, стоили гораздо дороже, да еще и были в дефиците. Но на момент знакомства с Катей страна уже начинала испытывать последствия начатой Горбачевым перестройки, хотя никому еще даже в самом страшном сне не могло присниться, какой станет жизнь совсем скоро, в лихие девяностые...

Мама Кати была красивая, фундаментальная женщина с правильными чертами лица и высокой прической. Она давно не работала («халтуры» приносили её мужу не просто хорошие, но многократно более крупные, по сравнению с официальной работой, деньги) и занималась хозяйством. И это было заметно по идеальному порядку и чистоте в их богато обставленной квартире. В общем, семейный уклад в Катиной семье сильно отличался от того,

что был в семье Виктора, где не придавали особого значения порядку и красоте интерьера. Несмотря на внешнее радушие, в Катиной матери чувствовалась какая-то сила воли. Это Витя почувствовал сразу, но не придал значения...

Прошло три месяца, Витя и Катя почти ежедневно встречались: прогулки, кино, театры, выставки... Витя был уже мужчиной с некоторым опытом, и у него иногда возникали мысли о том, что знакомство с Катей пора бы сделать и более близким, тем более Катя ему очень нравилась. Как тут не вспомнить фразу «мужчина любит глазами»... Но как предложить это не дававшей никаких намеков своим поведением Кате? Катя всегда была очень сдержана в поведении. Как она отреагирует? Согласится ли она? Но она сама облегчила его задачу, заявив во время какого-то разговора, что она считает для себя возможными близкие отношения только в браке.

– Какая ты строгая! Ты мне не оставляешь выбора! Что ж, предлагаю руку и сердце! – нашелся Витя.

– Кто ж так предлагает? А где цветы? А где заветная коробочка с кольцами? А почему ты не встал на колени? – со смехом отвечала Катя.

Витя поспешно встал на колени и картинно протянул к ней руку.

– Что ж, несмотря на твою непонятливость и бестолковость и даже на отсутствие золотых колец, я принимаю твое предложение!

Виктор испытал двойственные чувства. Катя была, бесспорно, красива, но Витя еще не успел в неё по-настоящему влюбиться, как в Галло или даже как в Лену, к тому же с последними у него было гораздо больше общего... В глубине души он предполагал, что она скажет, как в многих книгах и фильмах, «я подумаю», и у него еще было бы время поразмыслить, а тут сразу...

Свадьба состоялась через три месяца. Родители Кати настояли на банкете в гостинице «Астория», и Витиным родителям, чтобы не ударить в грязь лицом, пришлось пожертвовать изряд-

ной долей своих накоплений. Витя тоже не был сторонником таких затрат и шикарной свадьбы, но Катя полностью поддерживала мнение своих родителей.

Празднование прошло удачно, как положено, со всеми традиционными «хлебом-солью», похищениями жены (это не очень порадовало Витю, хотевшего просто спокойно посидеть за столом, поесть и пообщаться), криками «горько!», танцами. Никто из гостей, слава богу, не перепил, все было прилично...

Как можно догадаться, у Кати до этого не было опыта близких отношений. У Вити был хороший опыт, но только с умной и отзывчивой Галей, и в отношениях с Катей он открыл для себя, что, оказывается, и в интимной жизни могут возникать проблемы... У Вити возникало ощущение, что Катя просто уступает ему, причем без всякого собственного желания, то есть как бы буквально выполняет «супружеский долг». Именно долг, а ведь далеко не всем, даже самым добросовестным людям, приятно отдавать долги! Правда, из книжки, которую подкинул молодожену Вите многоопытный коллега Сергей Сергеевич, Витя узнал, что не все женщины испытывают удовольствие от интимной близости сразу и многие начинают получать приятные ощущения лишь со временем. Но вместе с тем некоторые так и остаются равнодушными к этой стороне жизни... Между тем спустя уже две недели брака Катя стала под разными предлогами стараться избежать близости, аргументируя это то плохим самочувствием, то болями в голове, то плохим настроением, то усталостью. А так как Витя был очень сдержанным, деликатным и не любил навязываться и настаивать, то супружеские отношения становились все реже и реже...

Однако вернемся немного назад. Семейная жизнь началась со свадебного путешествия в Таллин на несколько дней. Красивая, чистая и уютная столица советской Эстонии ребятам понравилась, но если Витя хотел побольше посмотреть город, походить по музеям, то Катю гораздо больше интересовали магазины, где можно было купить по сносной цене дефицитную импортную одежду и прочие модные товары, которых нельзя было достать

даже в Ленинграде. Витю это немного насторожило, но он понимал, что его жена совсем молода, и рассчитывал, что со временем её приоритеты могут измениться... Денег у неё с собой оказалось неожиданно много, и она удивлялась, почему Витя так мало себе что-либо покупает... А еще Витю неприятно удивил случай, когда они обратились на улице к прохожему с вопросом, как пройти к Ратуше, на что эстонец ответил демонстративным молчанием и даже отвернулся... Впрочем, справедливости ради, такое отношение было далеко не у всех...

Витя жил с родителями в маленькой двухкомнатной квартире, а у Катиных родителей была просторная трехкомнатная квартира в «сталинском» доме, с толстыми стенами и высокими потолками. Поэтому особых обсуждений, где жить молодым, не было. В те годы молодые семьи, чаще всего первые годы, а бывало и десятилетия, жили с родителями, причем иногда даже в одной комнате в коммуналке, так что Вите с Катей жаловаться, по тем временам, было не на что.

Еще во время поездки в Таллин Витя понял, что Катя гораздо больше, чем он, придает значение порядку. В душе он тоже стремился к порядку, но многолетние привычки не обращать на это особого внимания все равно давали о себе знать... Буквально на следующий день после свадьбы Катя указала ему на неряшливо повешенную одежду и разбросанные носки... Витя, будучи человеком покладистым и негордым, изо всех сил старался не давать поводов для Катиного недовольства, но такая привычка к порядку была выше его сил. Живя в квартире Катиных родителей, он вынужден был ежедневно выслушивать замечания Кати и чувствовать осуждающие взгляды тещи... Витя изо всех сил старался не разбрасывать одежду и вещи, не сорить, сразу выключать электричество и мыть посуду, класть все на свои места, но все равно почти каждый вечер Катя предъявляла ему либо свои, либо, с подачи матери, претензии. И это же сказывалось и на настроении, и на отношениях! Виктор удовольствия от этого, мягко выражаясь, не испытывал, но молча исправлял недочеты, не оправдываясь,

удивляясь про себя, как такие вещи могут казаться кому-то такими важными...

Витя чувствовал довольно критичное отношение к себе Серафимы Георгиевны, но она сама ничего не высказывала, а все претензии передавала через Катю. Все это влияло на Катино настроение, а заодно и на их отношения.

Если бы он только знал, что все это только цветочки... В Катиной семье считалось, что мужчина – это, в первую очередь, добытчик, и, когда Катя попросила у мамы деньги на новое финское пальто (а в те времена импортная одежда либо сразу раскупалась после долгого стояния в очереди, либо продавалась втридорога с рук, потому что тогда наша легкая промышленность не могла удовлетворить всех желавших модно и красиво одеться, то же касалось и обуви...), Серафима Георгиевна поинтересовалась, а какая же у Вити зарплата? Он как преподаватель получал тогда 125 рублей в месяц «грязными» при средней зарплате по стране 185 рублей в месяц. Справедливости ради надо отметить, что тогда средняя зарплата была гораздо ближе к медианной, то есть зарплате большинства, поэтому что разрывы в доходах самых богатых и самых бедных были гораздо меньше, чем в наше время.

После того, как Серафима Георгиевна узнала о размерах Витиной зарплаты, она вызвала его на разговор.

– Витя, мне бы хотелось обсудить с тобой, как и на что вы с Катей собираетесь жить? Да, у вас своя семья, но ведь Катя – моя дочь! Мы, конечно, помогали и будем помогать Катеньке, ей надо учиться, она еще в медицинский поступать будет... Но ведь у неё еще и муж есть! Витя, ты знаешь, из чего состоит понятие «мужчина»? Могу тебе сказать – из «мужа» и «чина»! Если ты женился на девушке, молодой и красивой, так уж изволь озаботиться деньгами и карьерой! Подумай, может быть, надо найти подработку? Или работу поменять на более денежную, ты же по своей специальности не только в ВУЗе можешь преподавать, может, инженером побольше будешь зарабатывать... А можно и вообще профиль работы поменять! Обрати внимание, вот Сергея Васильевича еще

дома нет и придет не скоро, он квартиры ремонтирует после работы, а по выходным и в отпуске дачи строит, печи кладет, вот сейчас он со своей бригадой крышу кроет в Купчино. А ты вот сегодня уже и газету почитал, и на диване полежал, и подремал, и, наверное, еще и бегать в парк отправишься... Нельзя, будучи семейным, оставаться эгоистом и жить в свое удовольствие! Ты ведь женат, а значит, на тебе лежит ответственность за семью! А когда дети будут?

Витя молча выслушал Серафиму Георгиевну. Он, конечно, догадывался, что такие вопросы могут возникнуть, но все равно был немало ошарашен.

– Спасибо. Серафима Георгиевна, постараюсь исправиться...

– Я надеюсь, Витя...

На следующий день Витя уже спросил у заведующего справку для подработки – в те годы, чтобы официально устроиться на подработку или, как тогда говорили, официальную «халтуру», надо было брать справку у вышестоящего начальства на совмещение, которую тоже давали не всегда, а только если работник справляется с основной работой... И не всем её давали!

Заведующий кафедрой, Олег Иванович, отнесся с пониманием, причем Витя показалось, что в его глазах было сочувствие. Олег Иванович, при всей своей основательности и положительности, был уже женат в третий раз, и, как Витя сумел догадаться из его отдельных фраз во время кафедральных празднований по случаю дней рождений или официальных дат, семейный опыт у него был и оставался не самым приятным...

– Понимаю, Виктор Николаевич, вы же теперь женаты... Главное, чтобы подработки не снижали качества вашей работы на кафедре!

Вите показалось, что Олег Иванович хотел что-то еще сказать, но он только вздохнул и молча подписал...

Витя по объявлению устроился в институт холодильной промышленности дворником, официально «уборщиком территории»... Территория для уборки была не очень большая, зима уже

закончилась, на дворе был конец апреля, и за полтора – два часа можно было все успеть...

Теперь он вставал в 5 утра... Вообще Виктор был не очень-то приучен к физическому труду и ему было в тягость рано вставать и работать метлой и лопатой... К тому же подсознательно он понимал, что работает против своего желания и выполняет чужую волю... А самое печальное, что он с большим сожалением очень скоро убедился, что его работа и связанный с ней ежедневный недосып никак не отражаются на взаимоотношениях с женой, а главное, отзывчивость Кати нисколько не изменилась, все те же очень редкие «одолжения»... А он-то надеялся...

Наступило лето... На кафедре нагрузка в июне уже невелика, а впереди Витю ждал 54-дневный отпуск...

– Витя, у меня к тебе будет разговор, – сказала Серафима Георгиевна

– Да, я вас слушаю...

– Витя, можно поинтересоваться, сколько тебе заплатили за дворника? Всего 54 рубля? Сергей Васильевич говорит, что на лето (у тебя же большой отпуск, да и в июне, я знаю, на кафедре маленькая нагрузка) можно устроиться на хорошую работу. Дворником много не заработаешь! Вот у друга Сергея Васильевича, кооператора, есть возможность помочь тебе устроиться на работу дорожным рабочим. Там очень высокая зарплата, ты такой никогда не получал! Ты как?

Тогда появились первые кооперативы и в некоторых из них благодаря общему беспорядку в финансах в стране были несопоставимо высокие, по сравнению с государственными учреждениями, зарплаты...

Витя уже был в предвкушении большого отпуска, ему так хотелось отдохнуть от поднадоевшей работы, так хотелось свободного времени... Июнь был хорошим месяцем – он обычно заходил на кафедру максимум два-три раза в неделю – зачеты, экзамены. Учебные занятия уже заканчивались, и это предложение было для него большим ударом... Он так ждал летнего отдыха! И самому-то

ему денег вполне хватало... Но это ему... Тем не менее Витя ответил:

– Ну, если надо...

– Витя, ты же мужчина в семье! Отдохнешь на пенсии. Сергей Васильевич вот уже четыре года в отпуске не был и вообще почти выходных не имеет, сейчас время такое, работать надо (тогда неискушенному в жизни Вите еще не приходило в голову, что на «халтурах», в компании таких же, как он, инженеров и доцентов, он мог отдыхать от требовательной жены и домашней тирании. А если еще после работы иногда зайти по ходу в пивную или пропустить по несколько стопок в дружном коллективе...).

– Послезавтра с паспортом придешь вот по этому адресу...

Витя так ждал лета! Надо ли говорить, что он был крайне расстроен. Так рухнули надежды Вити на летний отдых! Как читатель уже догадался, он отнюдь не был трудоголиком и, за исключением армейской службы, настоящих трудностей и не знал, а сам к большим деньгам никогда не стремился... Ну что поделаешь... Семья, долг... Может, зато Катя все-таки станет поласковой?

В июне он устроился дорожным рабочим на полставки, чтобы была возможность ходить на кафедру, а в июле уже вышел на полную ставку. Ставка дорожного рабочего в кооперативе была в восемь (!) раз больше, чем зарплата рядового преподавателя ВУЗа, – от 850 до 1000 рублей в месяц! И сравните это с зарплатой преподавателей – от 125 до 185 рублей... Такие в те времена случались парадоксы! Но и вкалывали рабочие шесть дней в неделю, с 8 утра до 20 вечера... С работой преподавателя сравнение, как говорят в науке, некорректное... А если привезли горячий асфальт с опозданием, то, пока его не раскидаешь, уйти было нельзя, асфальт застынет. И Виктору не раз и не два приходилось задерживаться на работе до 22 часов и даже дольше...

Новые коллеги как день и ночь отличались от Витиных коллег по кафедре. В их разговорной речи значительную часть составляла ненормативная лексика. Все, причем поголовно, много пили, но большинство рабочих были еще довольно молоды и печальные последствия алкоголизма пока еще не сильно сказывались на их

работе и поведении. Среднего возраста и молодые, а главной радостью для них была возможность выпить...

При всем при том трудились, к удивлению Вити, все старательно, относились к качеству работы небезразлично, старались, чтобы все было ровно, и старались сделать больше. От этого же и премия зависела! Он попал в бригаду бордюрщиков – тех, кто устанавливает тяжелые бордюры у обочины. Ответственную работу по установке бордюров специальными большими клещами ему, конечно, не доверили, и он был «на лопате». Пока его матерые и суровые коллеги специальными клещами поднимали тяжеленный бордюр, Витя должен был успеть быстро, в две-три лопаты, подкинуть грунт или гравий под бордюр, да так, чтобы бордюр встал ровно... Если не получалось, не успевал – получал соответствующий матерный нагоняй... Но так как Витя был человеком покладистым и выносливым, он быстро приспособился и стал успевать...

Вите была в тягость вся эта работа, он чувствовал себя несправедливо наказанным судьбой... А еще лето было жаркое, и Витя думал – вот все нормальные люди купаются, загорают, а я... А асфальт привозили горячий – 200 градусов...

Но на этой работе Витю ждала еще проблема... После первой же смены Витя быстро переоделся, собрался и начал прощаться с новыми знакомыми...

– Ты что, торопишься? А как же с бригадой посидеть? У нас же коллектив! Ты что, не советский человек?

После работы все доставали закуску, граненые стаканы, водку... Если не было закуплено заранее или «не хватило», то посылали гонца в магазин (надо ли говорить, что часто это был Витя), и начинался ежедневный «праздник»... В стаканы наливали сразу по треть, а то и по полстакана... Пили исключительно водку, причем дешевую – так можно больше купить... И это при такой-то зарплате...

Заработную плату раньше выдавали деньгами на руки, и её приходили получать только жены рабочих, потому что сами они бы её не донесли, а вот аванс (300 рублей) не всегда, и после

аванса 1-2 человека приходили утром на работу в вагончик прямо из вытрезвителя...

Катя с мамой были летом на даче, в садоводстве, тесть ежедневно «халтурил» и приходил поздно, поэтому никто не замечал, что Витя каждый день приходит не совсем трезвым. Конечно, он все же следил, чтобы не слишком перебирать... Хотя однажды не рассчитал силы и уснул, прямо сидя на бордюре... Но это было одно из редких исключений... Поначалу ему тоже было даже весело – а что, выпили, поговорили, посмеялись... Но потом он стал замечать, что по ночам потеет, с утра неприятный водочный привкус в рту (у него не было ни привычки, ни тяги к выпивке, водку он не любил и пил только за компанию). Вообще Витя старался после 3-4 тостов ретироваться... А потом стал и вообще под разными предлогами избегать выпивки. И неожиданно с удивлением заметил, как настороженно и отчужденно стали к нему относиться в бригаде...

А потом работать стало совсем нестерпимо... Дело в том, что двоих рабочих за чрезмерное пьянство на рабочем месте лишили премий... И почему-то все решили, что их заложил именно Витя, хотя никаких доказательств, как и самого факта «стука» не было... Напрямую не обвиняли, но намеки были неоднократные, и к нему отношение стало отчужденное... Ну а на кого еще они могли подумать? А то – странный какой-то, пьет мало, редко, а то и вообще стал отказываться, матом не ругается, все торопится куда-то, как-то все не так... Так Витя впервые в жизни почувствовал себя чужаком и изгоем в коллективе. Обидно, несправедливо, но как докажешь невиновность?

Работать было тягостно... Но он, сжав зубы, терпел. По работе к нему нареканий не было: он научился – две лопаты – и бордюр стоит! Их звено было самое передовое...

В середине августа с дачи приехали Катя и теща. Но Катя ласковее не стала и супружеские отношения оставались столь же редкими... Никакой положительной динамики!

После очередной тщетной попытки добиться выполнения супружеского долга Витя, лежа без сна рядом со спокойно спящей

красивой молодой женщиной и с огорчением подумав, что с утра опять на работу, вдруг твердо решил, что хватит... Всех денег не заработаешь, ради чего так мучиться? И он решил завязать с халтурой.

– Витя, ты что, проспал? Уже семь часов! Ты же опоздаешь на работу!

– Катя, я больше не работаю там!

– Как не работаешь? А на что жить будем? На твои преподавательские жалкие гроши? Не забудь, ты женат! Брак – это ответственность! – Катя говорила в точности словами своей мамы.

– Оттого что я пошел работать дворником, а потом дорожным рабочим, не по своей воле, заметь, ничего не изменилось, а я же не для себя работал! Ты знаешь, какая у меня тяжелая работа?

– А что ты хотел, чтобы я тебя каждый день хвалила? Ах, молодец какой, труженик! Ты же в семье живешь! Да мужик в семье и должен вкалывать, деньги зарабатывать! Ты – маменькин сынок, лентяй, белоручка, ты вообще не мужик! А что, что должно измениться? Настоящий мужчина и должен пахать, уставать! Вот посмотри на моего отца! Он и в выходные вкалывает, и про отдых в отпуске давно забыл...

– И что, это нормально?

– Да, представь себе, так и должен делать мужчина, если его не умудрил господь хорошо на основной работе зарабатывать!

– Катя, все люди разные. Я с большим неудовольствием ходил на работу бордющиком, ходил только ради семьи, однако я не увидел никакой благодарности, ничего не изменилось, вот я и решил больше не мучиться! Мы же и так не голодали, чего ломаться-то? Ты что, на самом деле не знаешь, что должно было измениться? Никаких мыслей не возникло? Нет? Пожалуйста! Вот, посмотри, – и он достал из тумбочки тетрадь со следующим содержанием:

11 мая – болит голова

12 мая – устала

13 мая – устала и хочет спать

14 мая – нет настроения

15мая – очень устала
16 мая – уже уснула
17 мая – плохо себя чувствует
18 мая – не в духе и устала...

и т.д. В сумме в мае – близость 1 раз в месяц, в апреле – 2 раза, в марте – 2 раза, в феврале – 1 раз...

– Что это такое? Ты мне можешь объяснить?

– А ты догадайся с трех раз!

– А-а-а... Вам всем только одного и надо! Дурацкая похоть только на уме! Сволочь! Лодырь! Можешь собирать манатки и уходить! Пошел вон!

«Вот она, удача», – подумал Виктор...

– Я тебя услышал, – стараясь быть максимально спокойным, ответил он, с удивлением отметив про себя спокойствие и невольную радость такому исходу. Витя достал из кладовки чемодан – что ж, буду собираться...

И начал спокойно собирать свои вещи, неожиданно почувствовав облегчение и даже успокоение, думая про себя, что очень хорошо, что не успел перевезти к Кате все свои вещи из родительского дома...

– Ты что? Это что за цирк ты тут устраиваешь? Как? Ты серьезно? Дурак, что ли? Ну хватит ерундой заниматься! Мало ли что женщина скажет на эмоциях!

– Ну, может, тебе и все равно, что говорить, а я очень хорошо тебя услышал. Тем более ты же сказала, что я не мужик, чего тебе жалеть-то?

– А, так ты и сам считаешь, что ты не мужик?

– Мне уже все равно, – отвечал Витя, кидая в чемодан все свои вещи уже быстро и без разбора. – Может, ты и права? Я и не спорю! Как скажешь – так и правильно! Ну, посуди сама, какой из меня мужик – денег не зарабатываю, значит, не добытчик, не люблю работать, значит, лодырь и бездельник, и вообще, как выяснилось, не привлекаю тебя как партнер – ты же читала листок?

По-моему, факт налицо! Ты что, считаешь, что я должен быть доволен супружескими отношениями один-два раза в месяц, и это в возрасте 25 лет?

– Мы же решили не торопиться с детьми!

– А причем здесь дети?

– Люди, между прочим, занимаются этим для продолжения рода!

– А я думал, не только для этого!

– Скотина! Развратник! Похотливое животное! Все мысли только об этом! Пошел вон! Видеть тебя не могу!

– Разбудишь Серафиму Георгиевну, ори, но тихо! Я со всем согласен! Все, как ты сказала, – так и есть, тебе и жалеть нечего! Зачем тебе жить с таким ничтожеством, как я? Вот видишь, я не только не мужик, но и не самец, я – «оно», я – ноль, поэтому я и ухожу! Я тебе же благо делаю, освобождаю место, а ты, пока молодая и красивая, поищи себе настоящего мужика, добытчика, деятельного и трудолюбивого, а еще лучше – желаю тебе встретить того, с кем у тебя по ночам не будет все время болеть голова и не будет всегда хотеться спать...

– Свинья, одно на уме! Гад! Ты просто омерзителен! – прошипела Катя...

– Видишь, какой я плохой, я действительно настоящее похотливое животное – никакой духовности, одни плотские потребности! Зачем я тебе такой? Ты должна радоваться, что такой достойный презрения отвратительный человек, лодырь, да еще, как выяснилось, не мужчина, освобождает жилплощадь! – отвечал Виктор, вспомнив, что надо положить самое главное – документы, и с облегчением найдя их сразу в тумбочке, засунул их в боковое отделение чемодана и стал надевать костюм...

Катя заплакала и побежала в коридор. Застегивая пуговицы на пиджаке, он из коридора услышал, как Катя полусшепотом (Серафима Георгиевна спала по утрам крепко и вставала обычно после десяти) жалуется кому-то по телефону полусшепотом: – Он уходит...

Выйдя на улицу, он почувствовал еще большее облегчение и подумал – надо было это раньше сделать. У него даже возникло желание подпрыгнуть, высоко-высоко! Хорошо, хоть детей еще не завели... Все-таки, подумал Витя, какой гений Пушкин, сочинив сказку про «Золотую рыбку»... И еще он подумал, как справедлива поговорка о том, что хорошее дело браком не назовут...

После развода, произошедшего через три месяца на удивление спокойно, корректно и по взаимному согласию сторон, Витя больше не встречался с Катей... Он так и не узнал, что она через год вышла замуж за солидного начальника цеха Балтийского завода на пятнадцать лет её старше, родила мальчика и через год девочку, и, судя по всему, это был удачный (по крайней мере с точки зрения Кати и её мамы) брак...

РИТА

Вернувшись к родителям, первое время Витя даже и не думал о новых серьезных отношениях. Опыт семейной жизни разочаровал и не на шутку напугал его... Вспоминая свою жизнь с Катей, он, с одной стороны, понимал, что отношения с ней были изначально обречены, слишком разные ценности были у них сформированы в семьях, а с другой, ему было жалко Катю. Так-то она хороший человек, но ведь и он же не монах! Человек она неплохой, может, созрела бы с возрастом, но где гарантии? Но он успокаивал себя тем, что она еще совсем молода и со своей привлекательной внешностью, наверное, еще встретит мужчину получше, чем он, более подходящего под определение «добытчик». Но ей надо и для себя правильные выводы сделать, может, успокоится и задумается об одной из важнейших составляющих брака... Хорошо, что он ей тетрадку показал, может, это ей поможет расставить приоритеты на будущее... Была бы поумнее – хоть притворялась бы... С одной стороны, он чувствовал за собой вину, но, с другой стороны, он понимал, что не он один виноват, и даже если бы даже его полностью устраивала интимная сторона жизни, то такой образ жизни, как у её отца-«добытчика», при всем к нему уважении

(мужик-то он на самом деле был отличный), ему, с его воспитанием и взглядами на жизнь, точно не подошел бы... Вспоминая свои такие долгие и несчастливые супружеские ночи, наполненные для него горечью и обидой неудовлетворенного желания, да еще рядом с красивой и молодой женщиной, Виктор еще и еще раз убеждался, как правильно он поступил, расставшись с ней.

Витя из-за своей скромности и стеснительности с трудом находил друзей и вообще стеснялся общаться с малознакомыми людьми, но на работе, благодаря интеллигентности и доброжелательности коллег, почувствовал себя более комфортно. Особенно ему интересно было общаться с Сергеем Сергеевичем, утверждавшим, что «хотя личная жизнь у него в заплатках, но человек он порядочный»... Несведущему Вите было очень интересно послушать различные истории своего старшего коллеги, в основном, разумеется, касавшиеся его отношений с прекрасным полом, а тому было очень приятно делиться своим разнообразным жизненным опытом с зеленым, но симпатичным и благодарным молодым коллегой. Виктор же всегда ко всем коллегам относился уважительно, особенно к более старшим и опытным, поэтому у него сложились хорошие отношения со всеми коллегами...

Самым ярким и интересным человеком на кафедре была, несомненно, Маргарита Михайловна. Красивая стройная брюнетка, она к 30 годам успела выйти замуж и развестись, написать и защитить кандидатскую диссертацию, пользовалась любовью и авторитетом и у всех членов кафедры, и у студентов. Она была умна и эрудирована, всегда была в хорошем настроении, была очень общительна и была душой любой компании. Витя, конечно, не мог не обратить на неё внимания, но сначала он был женат на Кате, а потом, как уже отмечалось выше, все равно не считал себя ровней блестящей Маргарите Михайловне и, помимо дежурных комплиментов и общения по работе, больше ни на что не претендовал, понимая, что здесь шансов у него нет и не может быть никаких.

Однако, к удивлению Виктора, Маргарита Михайловна, узнав о его разводе, стала чаще обращать на него внимание. Витя заметил это, но не придавал значения ввиду, как он полагал, абсолютной недоступности для него сердца красавицы. Тем не менее они периодически общались, и общение становилось все чаще и чаще... Вначале это были ни к чему не обязывающие разговоры о погоде, фильмах, книгах, работе, в процессе которых Витя снова и снова удивлялся осведомленности Риты о самых разных вещах, её эрудиция и восхищала, но и пугала Витю... Но ни о каких отношениях с Маргаритой Витя даже не думал.

В один из дней в конце рабочего дня Маргарита Михайловна спросила:

– Виктор Николаевич, какие у вас планы на сегодня? У вас есть время оказать мне небольшую услугу?

– Всегда к вашим услугам, Маргарита Михайловна, а что надо сделать? – ответил Виктор, а сам подумал: «Какая красивая женщина, однако...»

– Я купила торшер, и надо помочь перенести его из магазина в квартиру. Не хочу вызывать грузчиков – он не очень большой и тяжелый, а идти всего 500м до дома, а живу я на первом этаже. Поможете?

– С удовольствием, Маргарита Михайловна!

«Интересно, – подумал Витя, – а почему Маргарита Михайловна обратилась именно ко мне, а не к Игорю Евгеньевичу или Сергею Сергеевичу? Наверное, потому, что я самый молодой...»

В те годы мало у кого был автомобиль, да и вызвать машину было не так просто, как в настоящее время, поэтому просьба Маргариты Михайловны была вполне логичной. Они проехали несколько остановок на трамвае и пошли в сторону мебельного магазина.

– Виктор Николаевич, а почему вы не можете называть меня на «ты» и Ритой, как все коллеги? Я что, такая старая?

– Мне кажется, обращаясь на «вы», я подчеркиваю свое уважение, особенно перед старшими... – «Это я зря, это лишнее сказал», – подумал Витя. – Но вас, Маргарита Михайловна, я могу

называть и на «ты», если вам так больше нравится, но уж тогда и вы называйте меня Витей

– Какой ты хороший парень, Витя, воспитанный... Все бы такие были! – засмеялась Рита.

Наконец покупка была сделана. Торшер на самом деле был нетяжелый, хотя нести его было не очень удобно.

– Витя, справляешься? Помочь?

– Нет, Маргарита Михайловна, все нормально, донесу...

– Опять? Витя, зови меня Ритой, мне еще далеко до пенсии!

– Нет, Рита, торшер нетяжелый, донесу сам... – исправился Витя...

Наконец они вошли в квартиру Риты. Квартира была однокомнатная, с маленьким коридором и маленькой кухней, как и было во всех типичных «хрущевках».

– Проходи, Витя, надевай вот эти тапочки, они побольше. Вот так я и живу! Мои родители живут в Пскове, там квартира и загородный дом в области... А я в институте вышла замуж за ленинградца, и эта квартира мне досталась после развода.

Виктор всегда мало задумывался о практической стороне дела. Он вырос в отдельной квартире, никогда и ни в чем не сталкивался с настоящей нуждой. Первые настоящие трудности он почувствовал только во время полугодовой службы в армии после университета, ну, об этом уже рассказано выше... Будь он поопытней в житейском плане, он бы, возможно, и подумал: «Ага, значит, она вышла замуж за ленинградца, прописалась в квартиру мужа, а в результате развода эту квартиру пришлось разменивать, и вот у неё уже однокомнатная квартира, даже не комната в коммуналке (разница в цене существенная), а с чем муж, а может быть, и его родители, остались? Не говоря уже о том, кто и в чем виноват». Но все это даже в голову ему тогда не пришло. Зато он отметил отличный порядок в квартире, большой по тем временам телевизор, большую люстру и хорошую мебель. Все вещи лежали на своих местах, лакированный пол блестел.

– Витя, поставь, пожалуйста, торшер пока здесь, в прихожей, я подумаю, куда его лучше поставить... Давай я напою тебя чаем!

– Я помою руки?

– Вытирай белым полотенцем и проходи на кухню!

Кухня была такая маленькая, что места было как раз на два человека за маленьким квадратным столом. На столе было две тарелки, на которых были куски торта – один большой, другой маленький.

– Садись, да не сюда, тебе большой кусок, а у меня – фигура! – сказала Рита, наливая в чашки заварку из большого пузатого заварочного чайника.

– Спасибо, с удовольствием!

Общаться с Ритой было одно удовольствие. Она была легка, остроумна, тактична, и Витя сразу почувствовал себя комфортно. За чаем Рита поспрашивала Витю о его семье, об учебе, армии, планах. О себе же она поведала, что закончила ЛГУ с красным дипломом, что отец у неё крупный торговый работник и депутат, а мама – зубной врач, живут в пригороде Пскова и их все устраивает. У них пятикомнатная квартира и еще большой загородный каменный (что было редкостью в то время – у большинства были деревянные) дом, большой огород – 12 соток (а не 6, как у большинства, кто имел дачу в садоводствах), машина «Волга», катер... Родители хотели, чтобы она училась и осталась в Пскове, где у них «все схвачено», но Рита решила жить самостоятельно и поехала покорять Ленинград, поступила в ЛГУ. В Ленинграде она на третьем курсе вышла замуж за одноклассника, ленинградца тоже из очень обеспеченной семьи... Но что-то пошло не так, детей завести не успели, и через три года брака был развод и каким-то образом удалось получить при дележе квартиры, куда её прописали, не комнату, а однокомнатную квартиру... Не исключено, что сыграли свою роль деньги и обширные связи Ритиных родителей... Но неопытный в жизни Витя об этом даже не задумывался, а с восхищением слушал свою прекрасную и умную собеседницу...

Витя тоже рассказал о себе, правда, без излишних подробностей, особенно про жизнь с Катей. «Не все и не всем надо расска-

зывать», – резонно решил для себя Витя... Рита слушала с большим вниманием и никаких неудобных вопросов, к удовлетворению Вити, не задавала.

– Спасибо, Маргарита Михайловна, было очень вкусно! Торт замечательный! – сказал Виктор, вставая из-за стола.

– Витя, я тебя больно накажу! Опять меня по имени-отчеству величаешь? – засмеялась Рита. – Витя, зови меня Ритой, мне же не сто лет! Уже уходишь?

– Да, у меня еще дела...

На самом деле у него никаких срочных дел дома не было, но он не знал, как на самом деле к нему относится Рита, и решил, что сейчас лучше ретироваться, а там – посмотрим, как пойдет. Но в душе Витя полагал, что шансов у него все равно нет. Однако некоторые надежды все же появились, хоть он и гнал от себя такие мысли...

– Ну, если дела... Понимаю! Витя, спасибо тебе за помощь...

У Риты были большие черные глаза, и, как показалось Виктору, они загадочно блестели и смеялись.

«А может, остаться? – мелькнуло у него в голове – но что тогда?» – он даже мысленно боялся себе представить...

Рита проводила его до дверей и, заметив его смущение, сама подставила ему щеку для поцелуя. Слегка поцеловав её в теплую нежную розовую щеку, почувствовав запах духов, причем явно не «Красной Москвы», он подумал: «До чего же она красива...»

Выйдя из подъезда с ощущением сытости и приятного вкуса во рту, он подумал: «Да, правильно я сделал, что ушел. Так спокойнее. К тому же Рита, хоть и молодая женщина, а все же на пять лет меня старше, и вряд ли у нас могут быть какие-то отношения. Кроме рабочих и товарищеских...» И вместе с тем его вдруг пронзила мысль – а вдруг? Нет, шансов очень мало... В любом случае, лучше не форсировать события...

Придя на работу, он с удовлетворением отметил, что ничего не изменилось. Рита поздоровалась с ним так же, как и обычно, и они пошли каждый в свою аудитория проводить занятия со студентами. В обеденный перерыв Витя обычно в столовую не ходил,

а приносил из дома бутерброды, кипятил кипятивником воду в стакане и заваривал чай. Кофе, в том числе и растворимый, тогда был в дефиците. Витя достал бутерброды и собирался включить кипятивник, и тут на кафедру вошла Рита.

– Витя, ты же так испортишь желудок, надо же в обед есть горячую пищу! Почему ты никогда не ходишь в столовую или буфет?

– Ну, я же не в сухомятку ем, а чаем запиваю!

– Витя, надо есть горячую пищу! Я не могу допустить, чтобы самый молодой и симпатичный сотрудник нашей кафедры портил себе здоровье! Все, я беру над тобой шефство! Я приглашаю тебя в нашу прекрасную столовую, составь мне, пожалуйста, компанию! Платим каждый за себя, – засмеялась Рита

– Договорились, – смутившись, ответил Виктор. Он даже не знал, радоваться ему или... А еще вспомнил, что его отношения с Леной начинались тоже со столовой...

– Маргарита Михайловна, уважаемая, а вот меня вы ни разу не пригласили за компанию, ни в буфет, ни в столовую! Да что там, вы меня даже в ресторан ни разу не пригласили! – с улыбкой заметил худощавый и моложавый многоженец Сергей Сергеевич. – Я бы за все сам заплатил!

Сергей Сергеевич трижды женился, но уже лет десять был холостяком и, судя по всегда хорошему настроению и спортивному внешнему виду, не сильно этим тяготился, при том, что треть зарплаты у него уходила на алименты, а совсем недавно и вся половина, пока его старшая дочь наконец не достигла совершеннолетия. По этому поводу Сергей Сергеевич даже щедро сводил всю кафедру в кафе и настоял, что он платит за всех!

– Ах, Сергей Сергеевич, ну ничего не могу с собой поделаться – люблю я молодых, – засмеялась Рита и демонстративно посмотрела на Витю, отчего тот еще больше смутился и даже покраснел, вызвав вежливые улыбки коллег и еще более залиvistый смех Риты. Смех у неё был задорный, а улыбка очень шла её хорошенькому лицу...

– Значит, я старый? А хотите, я вас подниму и подброшу до самого потолка? – еле сдерживая смех, сказал Сергей Сергеевич и сделал вид, что хочет подойти к ней.

– Нет-нет, только не это! Верю, верю!!! Вы, конечно, в прекрасной спортивной форме и, вообще, мужчина хоть куда. Но для меня вы уж слишком опытный. А я девушка скромная, я вас боюсь... – продолжала смеяться Рита.

– А, значит, любишь неопытных? Витя, поберегись! Ритка такая у нас хищница! Не успеешь и глазом моргнуть...

Риту это высказывание несколько не смутило, в отличие от Вити...

– Да, уважаемый Сергей Сергеевич, я люблю молодых скромных воспитанных мужчин, а не таких опытных и изощренных сердцеядов, как вы... – продолжала смеяться Рита. – Вот то ли дело наш Витюша!

Эти слова привели Виктора в еще большее смущение...

Коллеги заметили, что Витя покраснел, но, как бывает принято в интеллигентной компании, все сделали вид, что не замечают.

– Виктор Николаевич, уважаемый, ведите же меня в столовую, раз позвали, – с хитрой улыбкой сказала Рита и взяла Витю, очень сильно удивленного услышать, что это, оказывается, он позвал её в столовую, под руку. – Так что, коллеги, до встречи после обеда!

– Маргарита Михайловна, я буду скучать... Витя, будь осторожен, ты в большой опасности, я тебя предупредил! – с широкой улыбкой молвил Сергей Сергеевич под веселый смех коллег. У него всегда было хорошее настроение, улыбка редко сходила с его лица, и, казалось, нет ничего, что бы он мог принимать всерьез. Он продолжал:

– Маргарита Михайловна, хочу вам сказать, что, хоть вы – по ошибке, разумеется – остановили свой выбор на Викторе Николаевиче, предпочтя его мне, я, оставаясь горячим поклонником правды и справедливости, не могу не утверждать, что вы прекрасней всех богинь! – продолжая смеяться, напутствовал Сергей Сергеевич.

– Вот с этим я согласна! Есть все-таки у вас, Сергей Сергеевич, подход к женщинам! Витя, учись у старших! Тогда я вас прощаю, но свой выбор я сделала! Виктор Николаевич, пойдете же! – сказала Рита и, еще крепче взяв под руку Витю, потащила его в столовую. Коллеги, продолжая смеяться, весело и понимающе переглянулись...

С этого дня Витя, как когда-то, в студенческие годы с Леной, ходил обедать вместе с Ритой. У неё было почти всегда ровное, хорошее настроение, отличное чувство юмора, она всегда была тактична, а общаться с ней было все так же легко и приятно...

Как-то, через пару недель, сидя за столом в буфете, Рита спросила Витю:

– Витя, хотела бы отметить, что вот материальную пищу мы с тобой принимаем регулярно, но надо ведь заботиться и о пище духовной! Могу предъявить тебе претензию – ты совсем не занимаешься повышением моего культурного уровня! Ты еще ни разу не пригласил меня, например, в театр!

Он давно собирался углубить отношения с Ритой хотя бы до уровня прогулок и походов в кино, и думал, когда и как при удобном случае предложить (причем он не был до конца уверен в положительном ответе), а тут удача сама шла ему в руки!

– С удовольствием. Приглашаю! Осталось решить самую малость – куда и на что?

– Это решение я оставляю на вкус кавалера! Я полностью доверяю твоему вкусу, Витя! – улыбнулась Рита...

Виктор купил билеты в театр имени Комиссаржевской, один из лучших в то время ленинградских театров, на спектакль «Французские штучки». Когда Рита сняла в гардеробе пальто и передела обувь, у Вити даже дыхание перехватило... Светло-розовое вечернее платье очень шло Рите, подчеркивало несомненные достоинства её ладной фигуры, а в сочетании с красивыми круглыми руками, прекрасными темными волнистыми волосами, большими глазами, красивыми и правильными чертами лица, украшенного со вкусом наложенным макияжем... Было заметно, что Рита и сама осознавала свою красоту, прекрасно понимала,

что произвела впечатление на Виктора и на всех мужчин! Ей очень шла её горделивая улыбка абсолютно уверенной в своих достоинствах женщины – невозможно было не заметить, каким восхищением горели, глядя на неё, не только Витины глаза...

Спектакль был замечательным и пролетел как один миг... Он очень понравился и Вите, и Рите.

– Ах, какой прекрасный спектакль! Спасибо, Витя! – сказала Рита, когда они подходили к парадной её дома и, неожиданно для Виктора, поцеловала его в щеку. – Давно не получала такого удовольствия от спектаклей в театре! Может, зайдешь на чай?

Виктор не был уверен в себе и не планировал заходить, однако, подумав, что Рита может обидеться, ответил: – Конечно, тем более я так проголодался! Одним шампанским и кофе сыт не будешь, даже если заедать их бутербродами с черной икрой! (Витя хоть не был транжирой, но и скупердьям тоже никогда не был и в театре на Рите тем более не экономил).

Оказалось, что у Риты был припасен не только чай и торт, но и приготовлена свинина с картошкой. Запах был такой соблазнительный, что Витя подумал: «А что, не зря пришел! Хоть поем, а там как получится...»

Рита достала из холодильника бутылку полусухого вина «Ркацители» и достала из шкафа бутылку крепленого армянского вина «Аревибуыр»...

– Витюша, проходи в комнату!

«А вечер-то перестает быть томным», – пронеслось в Витиной немного испуганной голове...

– Витя, открывай бутылку! Давай отметим наш удачный поход в театр и долгожданное приобщение тобой меня к прекрасному! Я в восторге от спектакля! Это было здорово, да, Витя?

Не кривя душой, Витя ответил:

– Да, конечно! Тем более с вами! Но особенно я в восторге от сопровождавшей меня ослепительно прекрасной дамы!

– Опять ты мне «выкаешь»! Перестань, а то я обижусь! Compliments принимаю и сегодня, так и быть, прощаю, скажи спасибо артистам, – смеясь, Рита подставила свой фужер. – Наливай!

Благодаря Ритиной живости и легкости вечер проходил весело. Но Витя вел себя скромно, поддерживал разговор на отвлеченные темы и не делал никаких намеков. Быстро справившись с «Ркацителю», они уже перешли к более основательному крепленому «Аревибууру»... Когда и бутылка крепленого стала подходить к концу, Витя почувствовал, что алкоголь начал действовать. Выпивал-то он сравнительно редко, да и вообще не увлекался... Ему приходилось уже прилагать некоторые усилия, выговаривая слова, но он старался себя контролировать – даже в таком состоянии он думал, как прилично себя вести и как не попасть в неудобное положение...

– Давай перейдем к чаю, – предложила Рита. – Хватит, а то я немного запьянела. Ой, да мы все почти и выпили! Как же быстро заканчивается все хорошее! Ну мы и алкоголики! Витя, мы с тобой – алкаши! А ведь, казалось бы, культурные люди, работники высшей школы! – залиvisto смеялась Рита. – Витюля, поставь, пожалуйста, чайник!

Дорога на кухню проходила мимо сидевшей ближе к двери Рите. Когда Витя проходил мимо, ему, слегка подвыпившему, ударил в нос приятный аромат духов, смешанный с прекрасным запахом молодой женщины. Он непроизвольно остановился и неожиданно сам для себя поцеловал Риту в макушку, сам испугавшись своей смелости, почувствовав при этом еще и прекрасный запах, исходивший от её густых волнистых волос... Рита повернулась и обняла его своими красивыми руками... Витя оказался в наклоненном положении, пауза стала затягиваться, и тут ему в голову пришла мысль: «А что, если? А вдруг?» – и он осторожно растегнул верхнюю пуговицу платья, как когда-то с Леной... Рита продолжала обнимать его. Тогда он продолжил... Когда оставалась последняя пуговица, Рита спросила:

– Может, не надо? Ты уверен? – но это прозвучало как вопрос, из приличия и даже скорее, судя по интонации, как не прямое одобрение, и осторожный Витя понял, что можно продолжать...

Витя проснулся рано, повернул голову и увидел разметавшуюся во сне Риту... У него даже перехватило дыхание, и он подумал,

как же прекрасна Рита даже спящая... От его поцелуя она проснулась и, крепко его обняв, нежно и длительно ответила на его поцелуй...

– Витя, я бы на твоём месте перед работой домой зашла – вдруг твои родители волнуются, где ты шляешься по ночам? И, главное, с кем?

– Да, на самом деле, с кем же? А вообще согласен, надо, конечно, – ответил Витя. – Рита, спасибо, ты так прекрасна! – совершенно искренне сказал Виктор, сам удивляясь своей смелости даже после того, что произошло этой ночью...

Когда Витя оделся, собрался и подошел к входной двери, Рита накинула халат и пошла его проводить. Витя с приятным удивлением увидел, что она просто накинула, но не запахнула халат... Годы спустя у него появилась мысль, что Рита не случайно пошла его провожать именно так... А тогда он был просто восхищен её совершенной красотой и приятно удивлен...

Дома ни мама, ни папа, к его удивлению, не стали спрашивать, где он был, хотя было видно, что у мамы вид не очень выпавшийся, а отец с трудом скрывал свое радостное настроение и, когда Ирина Алексеевна отвернулась, подмигнул Вите. У Вити были все-таки очень интеллигентные родители, и он очень ценил, что они никогда не пытались лезть в его личную жизнь... К тому же они, видимо, были уверены и в его воспитанности – он, как уже отмечалось выше, и в школе никогда особо не хулиганил и был в основном послушным и разумным мальчиком... Хорошо иметь хорошую репутацию! Виктор позавтракал и отправился на работу.

На работе Рита вела себя так, как будто между ними ничего не произошло, что с удовлетворением отметил стеснительный Витя. Да и с ним она общалась так же, как обычно.

Неудивительно, что он еще сильнее влюбился в Риту... Как-то само собой Витя стал по несколько раз в неделю оставаться у Риты. Родители никаких вопросов не задавали, за что Витя им был чрезвычайно благодарен... Надо ли говорить, какое это было самое счастливое время!

На работе они все также вместе обедали, общались, опытные коллеги делали вид, что не замечают их отношения, хотя в кулуарах активно обсуждали... Годы спустя Витя узнал, что его мама давно узнала при их отношении, но, наведя справки о Рите, её родителях, и учитывая все, что она узнала, не имела особых аргументов против этих встреч, даже учитывая, что Рита старше на 5 лет...

Общение с Ритой явно шло на пользу Вите – ведь общение с умным и одаренным человеком делает и самого человека умнее. Рита ненавязчиво советовала Вите, какие книги читать (благодаря ей Витя открыл для себя Моэма, Голсуорси, Стендаля, Ремарка, Хемингуэя, Бальзака и это далеко не полный список). С Ритой Витя с удовольствием посетил немало выставок, ездил на экскурсии в Эрмитаж, Пушкин, Павловск, Петергоф... Когда не было экскурсовода, рассказывала сама Рита, удивляя Витю широтой и глубиной своих познаний в культуре... Витя, обычно неуверенный в себе, удивлялся, а почему Рита вообще с ним продолжает общаться, причем было заметно, что делает она это с удовольствием...

Нетрудно догадаться, что Витя влюбился по уши; мысли его почти все время вертелись вокруг Риты... Надо отдать должное их коллегам по кафедре – они, конечно, заметили их дружбу, но никаких подколов или намеков себе не позволяли, поэтому застенчивый Витя чувствовал себя вполне комфортно, а Рите с её легким и независимым характером было вообще все равно, кто и что говорит.

Так прошло больше полугода. В тот день все, с точки зрения Вити, было как всегда, но в обеденный перерыв Рита сказала: – Витя, у меня к тебе есть серьезный разговор. Давай перед буфетом поговорим на улице?

– Давай, – ответил он, а в голове лихорадочно забегали мысли: к чему бы это? Что за разговор? А вдруг Рита беременна? Они же вообще не предохранялись...

Они вышли в почти пустой институтский дворик и сели на скамейку.

– Витя, я тебе сейчас кое-что скажу, но дай мне слово, что не обидишься.

– Говори, не обижусь, – отвечал Витя, чувствуя, что земля уходит из-под ног... Сейчас скажет, что беременна... Неужели у них будет ребенок? Сердце забилося часто-часто, и даже руки задрожали...

– Витя, не обижайся, но, знаешь, наверное, хватит тебе ко мне приходиться! – было видно, что она сама очень волнуется и переживает, и ей трудно это говорить, и её речь была нехарактерно для неё сбивчивой. – Нет, не думай, ты очень хороший парень, и как мужчина, кстати, очень даже... Ты очень хороший! Но... Витя, мне уже тридцать лет, а тебе – двадцать пять... Хотя... Но нет, не это главное. Понимаешь, для нас, для женщин, очень важна личная жизнь, отношения, и я очень ценю твоё ко мне отношение, ты настоящий рыцарь, ты чистый, бескорыстный, добрый... Но, понимаешь, мне надо создавать семью, заводить детей...

– Рита, я готов хоть завтра на тебе жениться! И против детей ничего не имею! А может...

– В том-то и дело, Витя, что во время нашего общения я присматривалась к тебе, я же серьезно отношусь к отношениям, и, к сожалению, поняла, что ты не готов пока к браку... Нет, не так! Ты, Витя, не готов именно к браку со мной! И, может быть, и скорее всего, никогда не будешь готов...

– Рита, почему? Я все, все для тебя сделаю!

– Нет, ты ошибаешься, и давай мы не будем делать еще одной, более серьезной ошибки... Понимаешь, ты очень хороший, наверное, лучше меня... Но... Нет-нет, ты не думай, что я про разницу в возрасте – я в этом плане не переживаю, я и через много лет красивая буду, спасибо родительским генам. Ты очень хороший мальчик... Но у нас нет будущего, я имею в виду будущего вместе... Ты, Витя, хороший, умный, добрый, но не такой, какой нужен мне... Не обижайся, может, для кого-то это не важно, но нет в тебе амбиций, хватки, силы! Можно, конечно, прекрасно и без всего этого жить, но... Нет, я не про деньги, конечно! Может, этого и не всем надо,

но... Мне нужен другой мужчина, может, пусть хуже тебя по-человечески, пусть не такой красивый и приятный, как ты, но другой! Ну, как тебе объяснить, не знаю... Постель – важно, но ведь это не самое главное в жизни... Ну ничего не могу с собой поделат! Я же не ради интимных удовольствий с тобой встречалась, я хотела посмотреть, думала, возможно ли наше с тобой счастье, и, хоть я и встречалась и общалась с тобой с удовольствием, с каждым днём, к сожалению, все больше понимала, что нет... Поверь моему опыту, у меня же уже был опыт брака – начнем вместе жить, и не получится у нас ничего путного, и только отношения испортим! Не знаю, заметил ты или нет... Я же не из самой простой семьи... И потребности, и амбиции у меня высокие и не только духовные... Поверь, так будет лучше и для тебя тоже! Давай оставим все в прошлом. И пусть воспоминания будут самыми хорошими... Правда, ты принес мне много прекрасных минут... Я очень благодарна тебе за все, за твою любовь... Прости меня, Витя, пойми, не могу я... Я всегда рада тебя видеть, желаю тебе счастья... Ты очень, очень хороший! Извини, что делаю тебе больно... Не могу я тебе сказать всего, прости! Ну, понял ты что-то из всего этого сумбура?

Витя посмотрел на глаза Риты – они были наполнены слезами, видно было, как трудно ей далось это признание...

– Понял, Рита, – самообладание редко покидало его, не подвело и на этот раз, да он еще и не полностью успел все осознать, разве что голос был сдавленным. – Ну что поделаешь... Пойдем теперь в буфет?

Спустя некоторое время, анализируя, почему же Рита решила прекратить отношения с ним, Витя вспомнил, что Рита между делом несколько раз заговаривала с ним о профессиональном и карьерном росте... Она убеждала его начать писать диссертацию и обещала помогать, а он, не любивший писать вообще, старался перевести разговор на другую тему, и ведь это было за время их отношений не раз и не два... А еще совсем недавно заведующий кафедрой попросил его зайти к нему и в течении получаса пытался убедить его согласиться исполнять обязанности заместителя декана по учебной работе одного из основных факультетов, обещая

всемерную помощь и рисуя большие перспективы служебного роста, но неуверенный в себе Витя не решился принять это предложение... А потом еще выяснилось, что заведующий кафедрой предлагал эту должность самой Рите, но она отказалась и рекомендовала вместо себя Витю, обещав помогать ему в работе... Так, видимо, вот в чем причина! Рита, будучи человеком незаурядным и амбициозным, поняв, что он все же совсем безнадежен, решила прекратить так хорошо начавшиеся отношения...

Позже Витя не раз вспоминал и сожалел о своей служебной пассивности и отсутствии амбиций, но было уже очень поздно... Однако вернемся к моменту разговора.

– Пойдем! Витя, если честно, я очень боялась этого трудного разговора и еще раз убедилась по твоей реакции, какой ты замечательный парень, ты здорово держишь удар, ты – настоящий мужчина! – с облегчением сказала Рита и нежно взяла Витю под руку...

А еще через неделю Рита, к удивлению всего коллектива, написала заявление на... декретный отпуск! Увидев удивленный взгляд Вити, она незаметно слегка пожала ему руку и шепнула: – Ты здесь ни при чем, все в порядке!

Через две недели Рита пригласила весь коллектив отметить «отвальную», а заодно и её новое положение (в отличие от многих женщин, Рита была абсолютно независима от чужого мнения и не переживала, кто и что про неё будет говорить), которое с видимым удовольствием было принято всем маленьким коллективом кафедры.

В те годы многие праздники и дни рождения отмечались прямо на рабочих местах – сдвигали столы, передвигали стулья... Так было и в тот день... Пили шампанское, вино, потом некоторые мужчины перешли к более крепким напиткам... Заведующий кафедрой, все члены кафедры произнесли тосты, отмечая несомненные достоинства Риты как специалиста (и, надо отметить, они были абсолютно справедливы). Когда дошла очередь до Виктора как самого младшего (Рита настояла, чтобы он сел за стол рядом с ней и слева от неё, чтобы «ухаживать»), он, не имевший большого

опыта застолий и произнесения тостов и не привыкший быть в центре внимания, совсем потерялся и забыл, что и хотел сказать...

– Витя, мы тебя слушаем, – сказала всегда веселая и цветущая Людмила Борисовна. – Не стесняйся, все же свои!

– Рита, желаю вам... Желаю тебе счастья и любви!

– Молодец, Витек! А ты боялся! Отличнейший тост! За это нельзя не выпить! – воскликнул Сергей Сергеевич, до этого произносивший свой цветистый, изобилующий юмором и лексическими изысками тост минут, наверное, пять под аккомпанемент всеобщего смеха и одобрения...

Отвальная прошла весело, шутки и смех не смолкали. Маргариту Михайловну любили и уважали все члены кафедры, все были согласны с содержанием тоста заведующего Олега Ивановича, который, отметив профессиональные, человеческие и женские достоинства Риты, сказал, что это очень большая потеря для кафедры и все будут с нетерпением ждать её возвращения.

Но Рита больше не вернулась. Спустя еще месяц она, на шестом месяце беременности, вышла замуж за сына друга Ритино отца, тридцатисемилетнего потомственного дипломата, назначенного советским атташе в посольстве в солнечной Турции. При решении вопроса о назначении партийные органы (кто бы мог подумать, что уже через год партия уже ничего решать не будет) дали понять, что «есть мнение, что дипломатический работник, очень желательно, должен быть женат», тут и вспомнили Риту. Этот кандидат на должность атташе с детства через дружбу родителей знал Риту и был давно и безнадежно в неё влюблен. В сложившихся обстоятельствах, даже учитывая Ритину беременность, ей был предложен вариант женитьбы, с возможностью, если не получится, через полгода его расторгнуть. И она согласилась рискнуть, и угадала! Все получилось! С тех пор Рита жила на две страны, в основном в Турции, в Анкаре, и работала учителем физики и математики в школе при посольстве... Уже там, в Турции, у Риты родился мальчик... А еще через два года – две девочки-двойняшки... Говорят, между делом Рита занимается еще и

наукой, потихоньку работает над докторской – а что пропадать талантам?

Больше Витя никогда с Ритой не виделся. Он был наивен и совсем не ставил под сомнение её слова о том, что он не причастен к её беременности – раз сказала, значит, так и есть... Тогда не было интернета, а по телефону Витя решил Рите не звонить, да и куда? – боль от потери была очень сильна, и он хотел поскорее отойти от переживаний, да разве такое забудешь... Она слишком хорошо все ему все объяснила, и для него это был и урок, и все равно очень сильный удар, как ни пыталась его смягчить Рита... Поэтому он никогда так и не увидел, что Ритин сын, когда вырос, стал внешне очень, просто как две капли воды, похожим на него...

ТАНЯ

Но время лечит любые раны. Душевная боль стала постепенно затихать... Витя настраивал себя, что, скорее всего, он уже навсегда останется холостяком, жалел только, что не завел детей (про своего сына от Риты он так никогда и не узнал). Жизнь шла своим чередом – работа, дом, друзья, иногда гости, футбол с друзьями... Одному ему не хотелось ходить никуда – ни в кино, ни в театр, ни в музеи, и, хотя знакомиться с кем-то ему со временем снова захотелось, но одна мысль, что снова надо самому проявлять инициативу, останавливала его... Ему было просто не заставить себя подойти и попытаться познакомиться с незнакомой девушкой, словно кто-то поставил перед ним невидимый стопор...

В общем, уже он рисовал себе перспективы жизни старого холостяка и старался примириться с этим. И не безуспешно... У него получилось свыкнуться с этой мыслью, внутренне примириться с судьбой... На работе все было спокойно, дома тоже никто не доставал, чувствовал себя Витя хорошо, занимался собой и своим здоровьем, играл с коллегами в футбол, бегал иногда трусцой, читал книги (спасибо приучившей его к чтению Рите). Но все же часто грустил, но эта грусть, как ни странно, даже доставляла ему странное удовольствие, он полюбил жалеть себя...

Поздним вечером, в конце декабря, Витя возвращался домой после футбола. Он дважды в неделю играл в спортзале института в выделенное для преподавателей время – ему нравилось, что мало кто из его возрастных коллег впадал в азарт и думал о результате (за редким исключением), а приходили просто побегать и иногда после игры подводили итоги с помощью крепких напитков или пива, но так, в основном, коротко и в меру. Люди-то, в основном, интеллигентные... Витя редко составлял компанию в «подведении итогов», но в этот вечер выпил несколько стопок коньяка и в хорошем, приподнятом настроении шел домой, думая о приготовленном мамой ужине и приятной перспективе просмотра очередного сериала после программы «Время»... И вдруг он наступил на лед, нога поехала, подвернулась и он упал на спину, Попытка встать увенчалась успехом не сразу, к тому же он почувствовал резкую боль в голеностопе правой ноги...

«Подвернул, – подумал Витя. – Эх, теперь пару футболов придется пропустить... Невезуха...»

– Ой, молодой человек, давайте я вам помогу, – услышал Витя приятный женский голос. Витя обернулся и увидел девушку в белой меховой шапке, белой шубке и белых рукавичках. Девушка была среднего роста, у неё было круглое лицо, небольшой, немного курносый носик. Самая обычная девушка, подумал Витя...

– Можно я на вас обопрюсь, а то на ногу не ступить?

– Конечно, я вам помогу дойти. Вам далеко?

– Нет, метров 200 до дома, без вас не знаю, как и дошел бы...

– Осторожнее надо, дворники совсем лед песком не посыпают. Я вчера тоже поскользнулась, растянулась и упала спиной, но, слава богу, без последствий. А вот у вас, судя по всему, что-то серьезное...

– Я думаю, просто подвернул ногу, у меня уже так было, вспухнет, конечно, но потом пройдет... Я эластичным бинтом зафиксирую, у меня есть дома.

– Давайте на скамейке передохнем. А я живу недалеко отсюда, на Коломенской. Меня зовут Таня!

Витя не ожидал, что девушка так облегчит процедуру знакомства, ему было бы трудно спросить её имя самому.

– А меня – Виктор!

– Я работаю в детском садике воспитателем!

Витя даже позавидовал легкости в общении Тани, но он почувствовал, что и ему самому очень легко с ней. А вдруг ...

– А я преподавателем в политехе... Вот и моя парадная!

– Ну что ж, вот и дошли. Я помогу вам подняться?

– Таня, я вам разрешу мне помочь, если вы дадите мне телефон!

– Давайте запишу, а то забудете. Есть ручка?

Какой хороший признак – подумал Витя, значит, она заинтересована в знакомстве... Приятная неожиданность!

Витя открыл портфель и вынул ручку.

– Диктуйте!

– А на чем же вы будете писать?

– А на ладошке!

Таня со смехом продиктовала номер. Какая простая, хорошая девушка, подумал Виктор.

Таня довела его до двери, заходить отказалась, попрощалась за руку и побежала домой.

«Как странно, – внезапно пришла Вите в голову мысль. – Знакомство опять, как и в случае с Катей, произошло благодаря падению и подвертыванию ноги, но тогда-то упала Катя, а теперь я сам упал... А может, и отношения наши с Таней сложатся иначе, чем с Катей... Если сложатся, конечно...» – после предыдущих поражений в личной жизни он уже ни в чем не был уверен...

На следующий день Витя позвонил Тане и по её голосу почувствовал, что она рада звонку. Они стали созваниваться каждый день, а через неделю у Вити опухоль прошла и он предложил Тане сходить в кино.

Так они стали встречаться, и уже спустя месяц Витя, неожиданно сам для себя, сделал Тане предложение. Таня не стала думать и сразу приняла его.

Потом, спустя годы, Таня рассказала Вите, что он ей сразу чем-то понравился, но чисто интуитивно. И еще она сразу поняла, что Витя очень робок и неловок, и решила сама взять быка за рога... И ведь угадала – их семейная жизнь сложилась счастливо... Говорят, у женщин интуиция развита лучше...

А все-таки, думал Виктор, как здорово, что тогда дворники не посыпали лед песком!

ЭПИЛОГ

«Да, мне есть что вспомнить», – не без удовлетворения подумал Виктор. А все-таки какая же лотерея эта личная жизнь!

Как же быстро проходит время...

На озере появилась легкая рябь, подул ветерок, и, хоть всюду светило заходящее солнце, капелька дождя упала на начавшую сесть, но еще достаточно густую шевелюру Виктора, потом еще и еще... «Наверное, грибной дождь начинается, пора идти домой, – подумал он. – Да и проголодался уже... А может, дочь внука уже привезла? И Таня ждет... Обязательно скажу ей, как я её люблю...»

Литературно-художественное издание

Петров Анатолий Николаевич

ЛОТЕРЕЯ

Повесть

Знак информационной продукции
(в соответствии с законом № 436-ФЗ)

12+

Художник Дарья Владимировна Политова
Корректор Александра Алексеевна Демакова
Компьютерная верстка Юлия Николаевна Сафонкина

Издательство «Наукоемкие технологии»

ООО «Корпорация «Интел Групп»

<https://publishing.intelgr.com>

E-mail: publishing@intelgr.com

Тел.: +7 (812) 945-50-63

Подписано в печать 24.09.2024.

Формат 60×84/16

Объем 5 п.л.

Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-907804-78-4

9 785907 804784 >